

Крестьянка

№ 10
ОКТЯБРЬ
1954

Спасибо партии
Музыка К. МАССАЛИТИНОВА
Слова А. САЛЬНИКОВА
Всего милей нам
Родина советская,
Она сильней и краше
С каждым днем.
Спасибо Партии,
Великой Партии,
За то, что мы
Все радостней живем.
Наш мирный край
Садами украшаем мы,
Растим в полях
Высокие хлеба.
Спасибо Партии,
Великой Партии,
За то, что так светла
У нас судьба!
На все века
Зажгли мы зори ясные
Над тихим Доном,
Волгой и Днепром.
Спасибо Партии,
Великой Партии,
За то, что счастье
Входит в каждый дом!
Своим трудом
Мы строим жизнь отрадную.
За этот труд
Нам слава и почет.
Спасибо Партии,
Великой Партии,
За то, что нас
На подвиги ведет!
Спокойно
Хор
Ф-п.
Все_го ми_лей нам Ро_ди_на со_
_вет_ска_я, о_ на силь_ней и кра_ше с каж_дым
днём. Спа_си_бо Пар_ти_и, ве_ли_кой Пар_ти_и за то, что мы всё
ра_дост_ней жи_вём. Спа_си_бо _вём. 2. Наш _дёт.
Для окончания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Крестьянка

№ 10
ОКТЯБРЬ
1954

33-й ГОД ИЗДАНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

В. И. ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

С картины художника В. А. Серова.

Фото А. Шишкина.

ПОКОРЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Много лет тому назад писатель с пытливым взглядом и честной душой, болевшей за крестьянскую судьбу, Глеб Иванович Успенский писал о бессилии человека перед слепыми и часто жестокими силами природы. Даже теперь, перечитывая его очерки «Власть земли», вы невольно поддаетесь силе этих горьких слов:

«Вот сейчас из моего окна я вижу: плохо прикрытая снегом земля, тоненькая, в вершок зеленая травка, а от этой тоненькой травинки в полной зависимости человек, огромный мужик с бородой, с могучими руками и быстрыми ногами. Травинка может вырасти, может и пропасть, земля может быть матерью и злой мачехой,— что будет, неизвестно решительно никому. Будет так, как захочет земля; будет так, как сделает земля и как она будет в состоянии сделать... И вот человек в полной власти у этой тоненькой травинки».

Когда проходишь из конца в конец павильон «Механизация и электрификация сельского хозяйства» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, когда осматриваешь одну за другой машины, в создание которых сотни и тысячи людей вложили и разум свой, и сердце, и талант, невольно вспоминается по контрасту картина, нарисованная Успенским. И с особой силой начинаешь осознавать, какая поистине безмерная работа проделана партией коммунистов и всем нашим народом, чтобы освободить крестьянина от власти земли, дать ему власть над землей.

Вы делаете первые шаги по залу, и ваше внимание сразу же приковывают мощные тракторы самых различных систем, самого различного назначения. Вот дизельные, в пятьдесят четыре лошадиные силы. Их производят рабочие Сталинградского, Харьковского, Алтайского тракторных заводов.

«Применяется на освоении целинных земель»,— гласит немногословная, но выразительная табличка у тракторов «С-80» и «ДТ-54». И ваша мысль уносится в казахские и алтайские степи, где десятки тысяч ваших друзей поднимают целину, вспахивают залежные земли, чтобы встали стеной тучные хлеба.

Гусеничный дизельный трактор «С-80» сделан в Челябинске. Мощный двигатель, гусеницы шириной в 72 сантиметра позволяют этой машине по болотистой почве тащить за собой агрегаты, которые превратят топь в плодородную землю.

Или красавец «Беларусь». Он может работать и на окучивании картофеля, и на прополке посевов, и на посадке рассады.

Вот маленький колесный «ХТЗ-7». Он приспособлен для работы в садах и огородах. В зависимости от культуры, которую вам нужно обрабатывать, вы можете сделать колею шире или уже.

Когда-то Владимир Ильич Ленин мечтал о том, чтобы дать деревне 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином и машинистами. «...вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия»,— говорил он, обращаясь к делегатам VIII съезда партии. Сейчас советская деревня имеет не сто тысяч тракторов, что казалось когда-то поистине фантастической цифрой, а свыше миллиона.

Но дело не только в количестве тракторов. Важно и то, что промышленность создает систему машин, охватывающую самые различные отрасли сельскохозяйственного производства. Стенды четырнадцати различных предприятий рассказывают о той продукции, которую они выпускают для деревни. Плуги Одесского завода имени Октябрьской революции, рассадопосадочные машины «Красного Аксая», льнотеребилки Люберецкого завода имени Ухтомского, картофелеуборочный комбайн, сконструированный в Рязани, чаеуборочная машина, созданная в Тбилиси,— все это агрегаты, работающие вместе с трактором.

Землю вспахивают прицепленные к трактору многокорпусные плуги. Хлеб скашивают, молотят, очи-

щают машины. Но это далеко не все. Машины подрезают, «формируют» чайный куст и собирают урожай — бережно сбивают листочки и передают их в бункер.

Машины проходят меж рядами раскрывшихся коробочек хлопка. Волокно наматывается на шпиндели, потом тонкие щеточки осторожно счищают его, хлопок падает и так же, как чайный лист, воздухом засасывается в бункер. Труд, который должны были бы затратить под палящим солнцем 60 сборщиков, выполняет эта машина.

Машины не только скашивают сено, машины подхватывают своими длинными «пальцами» целые копны и подают их на скирду; машины прессуют скошенное и высушенное сено в рулоны.

Машины не только сажают картофель квадратно-гнездовым способом, как это делает, например, сажалка «СКГ-4»; машины вынимают клубни из земли, очищают их.

В самом конце купольного зала высится громада комбайна «Сталинец-8». Даже по сравнению с самым сильным современным комбайном «Сталинец-6» новая машина кажется необыкновенно мощной. Она не вышла на широкие поля страны, а еще только проходит испытания перед тем, как быть запущенной в массовое производство. Здесь, на выставке, она привлекает всеобщее внимание. Комбайнеры ходят вокруг нее, примериваются, взвешивают ее достоинства. Два человека забрались под комбайн и что-то щупали там, выстукивали. Потом они вылезли, отряхнули брюки, и один из них убежденно сказал:

— Молодец машина!

Это был бригадир тракторного отряда Андрей Андреевич Семма. Военный китель без погон выдавал в нем бывшего офицера. Так оно и оказалось. Семма служил в армии техником-лейтенантом. Демобилизовавшись, он вернулся в родные места — в Щербиновскую МТС Краснодарского края. Здесь он работал на «Сталинце-6», убирал зерно на необозримых кубанских полях. В апреле нынешнего года Семма снялся с насиженного места и уехал на Алтай. В Горьковской МТС Волчихинского района его тракторный отряд поднял сотни гектаров плодородной, долго молчавшей земли.

— Погляди-ка,— говорит он своему товарищу, такому же, как и он, алтайскому механизатору, когда они оба вылезли из-под машины,— цепей почти нет. Нечему рваться, не из-за чего болеть душой... Здорово устроены клавиши! Встряхнешь соломку, она уж тут не останется! А хедер-то! Шесть метров! Надставку сделаешь — то и все семь... Двигатель не в 40, как на прежнем «Сталинце», а в 52 лошадиные силы. Пять фар, специальный генератор для освещения. Застопорится что-нибудь—не надо слезать, с мостика нагнешься —увидишь.

И друг его, комбайнер, родившийся на Алтае и там же ставший опытным работником, тоже не находит слов для восхищения.

— Ну и махина,— говорит он,— знатная махина!..

Они еще долго ходили вокруг «Сталинца-8», изучая комбайн во всех деталях, что-то записывая в блокноты, о чем-то споря. Они смотрели на эту машину как на что-то им уже принадлежащее, но еще не доставленное туда, где ему надлежит быть.

«Хозяйский глаз» посетителей выставки виден в том, как люди пристрастно расспрашивают экскурсоводов, с каким усердием записывают все данные о производительности того или иного агрегата...

Комбайнер Байгакской МТС Тувинской автономной области Александр Дмитриевич Бобков рассказывает:

— Не знаю, как там в других районах, а у нас в МТС народу пропасть привалило. Все «старики» обратно вернулись. Все, кто когда-то был трактористом, комбайнером, снова пришли на работу проситься. Столько всяких машин понаделал нам рабочий народ! Гляньте...— И он широким жестом повел рукой вокруг себя.

То, что сделано для сельского хозяйства,— это реальные результаты союза рабочего класса с крестьянством. Это сегодняшний день колхозной деревни. Но завтрашний и послезавтрашний дни сулят еще большее изобилие техники для колхозных полей. За три предстоящих года заводы Советской страны дадут деревне в добавление к тому миллиону тракторов, которые уже сейчас работают на полях, еще 500 тысяч тракторов общего назначения (в 15-сильном исчислении) и 250 тысяч пропашных тракторов.

Строители автомобилей знают технический термин — вписать машину в профиль: сделать ее такой, чтобы она отвечала условиям профиля дороги, по которой ей придется двигаться. В профиль сегодняшней колхозной деревни, в ее пейзаж, «вписаны» сотни различных машин. Уже нельзя себе представить уголка советской земли, где люди не слышали бы радостного тарахтенья трактора; нельзя увидеть ниву, над которой не возвышался бы комбайн.

Колхозам все дано: за ними закреплена земля, отданная им государством на вечное пользование, их обслуживает первоклассная техника МТС, армия инженеров, техников, агрономов, квалифицированных рабочих. Им дана власть над землей.

Присмотрись к машинам, прислушайся к тому, что говорят люди, приехавшие сюда прямо с полей,— и ты почувствуешь реальность великого слова — коммунизм.

Н. ИВАНОВ

Станица Выселки,
Краснодарский край.

У льнотеребильной машины.

Достаточно пройтись по широким зеленым улицам Ташкента, застроенного многоэтажными домами, как увидишь новый, преображенный город. Это уже не дореволюционный Ташкент — кривых улочек и саманных кибиток. Трамвай и троллейбус стали основным транспортом для жителей.

Фото С. Владимирова.

Лауреат Сталинской премии Алияхон Султанова с дочерью Назырахан.

ПОД ОКТЯБРЬСКИМ

В МАЕ 1953 года мне случилось быть в Мирзачуле на вновь освоенных землях. Я там бывала неоднократно и хорошо помню эту безводную, безжизненную Голодную степь.

Мы шли по мокрому от росы полю с Лолой Эрбутаевой, Героем Социалистического Труда, и говорили о том, что Голодная степь все больше и больше отступает и недалек тот день, когда это «белое пятно» исчезнет с географических карт.

— А помните, здесь еще росли полынь и верблюжья колючка,— сказала Лола.— А теперь глядите!

Повсюду зеленели поля, шумели деревья, а в широких каналах бежала вода.

— Голодная степь стала нашей кормилицей. Она теперь дает нам хлопок, урюк и сахарные дыни. И все это мы создали собственными руками!

И мы заговорили о том, что ко всему выдающемуся, что делают советские люди: преобразуют ли природу, соединяют ли реки,— мы привыкаем и относимся как к должному.

Может быть, поэтому мы часто не замечаем великих преобразований, которые произошли в нашей республике. И, слушая Лолу Эрбутаеву, мою соотечественницу, я задумалась о судьбе узбекской женщины.

Я вспомнила рассказы своей матери Лозикат Ахмедовой о тяжелом прошлом. Женщина-узбечка не могла показаться с открытым лицом на улице, носила паранджу и чачван. Длинный до пят халат и сетка из черного конского волоса были символом ее рабства. Суровая ждала женщину расправа — удар ножа грозил ей, если бы она попробовала сбросить паранджу.

В девять лет девочка считалась уже совершеннолетней, и ее выдавали замуж. Так же рано была выдана замуж и моя мать.

Женщину продавали любому, кто мог заплатить дороже. Муж имел неограниченную власть над женой. Он мог ее наказать, убить, не боясь за это суда. После смерти мужа жена по наследству переходила к его родственникам.

А сколько ущерба здоровью приносили паранджа и чачван! Закон шариата запрещал стирать паранджу, мыть чачван. В замусоленных, пыльных одеждах женщины ходили из года в год.

Говоря о положении узбечек и женщин других национальностей Востока, основатель Советского государства В. И. Ленин справедливо назвал их «угнетенными из угнетенных».

Официальная статистика царского правительства как нельзя лучше показывает культурную отсталость узбечек в дореволюционные годы. Так, в бывшей Китабской волости из 1 275 узбечек грамотной была только одна, а в Каракульской — грамотных не было совсем.

Первыми декретами молодого Советского правительства были декреты, уничтожившие неравенство женщины. «Женщине в Узбекской ССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни»,— говорит статья 121-я Конституции Узбекской ССР.

Узбекские женщины широко участвуют в управлении государством. Среди 412 депутатов Верховного Совета Узбекской ССР — 124 женщины. 16 узбечек избраны в высший орган Советского государства — Верховный Совет СССР. Секретарем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР избрана Джура Ильхамова, Ядгат Насриддинова — министр промышленности строительных материалов, заместителем министра культуры работает Джамиля Таджиева, заместителем министра здравоохранения — Захида Джамалова.

Да разве моя собственная жизнь, дочери узбекских бедняков, которой доверен ответственный пост заместителя председателя Верховного Совета Узбекской ССР, не свидетельствует о том, что перед узбечками сегодня открыты все пути?!

За годы советского строя преобразилось лицо Узбекистана. Построены новые оснащенные по последнему слову техники промышленные предприятия, шахты, нефтепромыслы, электростанции.

Наряду с мужчинами тысячи женщин-узбечек работают в промышленности, на транспорте.

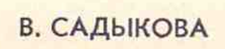
Десятки тысяч женщин трудятся на колхозных, совхозных полях. За выращивание высокого урожая хлопка и других сельскохозяйственных культур 29 женщин удостоены почетного звания Героя Социалистического Труда. Свыше 10 тысяч женщин награждены орденами и медалями СССР. Сталинская премия присуждена инициаторам новых методов выкормки гусеницы тутового шелкопряда Хурмат Тишаевой и Алияхон Султановой.

Особым вниманием окружены в Узбекистане женщины-матери. У нас организованы женские и детские врачебные консультации, родильные дома, детские ясли. Около 800 многодетных матерей нашей республики удостоены звания «Мать-героиня». Около 140 тысяч матерей награждены орденом «Материнская слава» и «Медалью материнства».

Давно канула в прошлое былая культурная отсталость узбечек. Многие девушки-узбечки по окончании средней школы продолжают свое образование в созданных в Узбекистане 36 высших и 94 средних специальных учебных заведениях. Только женщин-педагогов в Узбекистане более 20 тысяч. Свыше 4 тысяч женщин работают врачами. Тысячи узбечек стали инженерами, агрономами.

Из среды узбечек выдвинулось много талантливых деятелей науки. 13 женщин имеют ученую степень доктора наук, около 400 — кандидата наук.

За пределами нашей республики хорошо известны имена замечательных узбекских артисток, лауреатов Сталинской премии Халимы Насыровой и Галии Измаиловой, произведения узбекских писательниц Айдын и Зульфии. В этом году наша республика празднует свое тридцатилетие. Оглядываясь сейчас на пройденный путь, видишь все те изменения, которые произошли в нашей жизни. И в каждом вновь открытом заводе, МТС, больнице и яслях чувствуется постоянная забота родной Коммунистической партии, помощь великого русского народа и других народов Советского Союза.

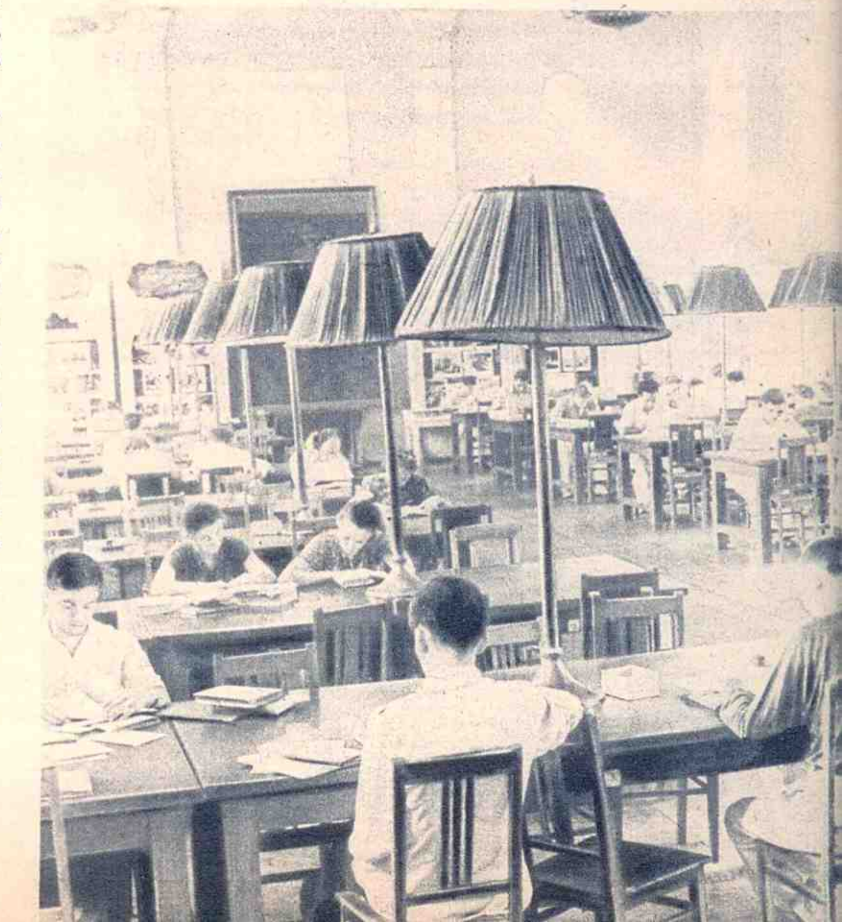

В. САДЫКОВА

Узбекский государственный театр оперы и балета имени Алишера Навои.

Ташкентская городская библиотека имени Алишера Навои.

Вечная дружба

Аркадий ЭСХЕЛЬ

Мы вместе с русскими по праву
В России с давних пор живем.
Ее — великую державу —
Своею Родиной зовем.
Когда в огне была Отчизна,
Когда враги беду несли,
На смертный бой во имя жизни
Чуваш и русский рядом шли.
Растут сады, гудят заводы
Над славной Волгой, над Невой...
В одну семью слились народы
Отчизны нашей трудовой.
Нам солнце мира ярко светит.
Мы будем вечно в дружбе жить.
И никогда, ничем на свете
Союз наш не разъединить.

Перевел с чувашского Иван ПИНЯЕВ.

Кирмизе ЖАНЭ

В адыгейском маленьком ауле,
За высокой горною грядой,
Словно солнце, счастье заглянуло
В каждое окошко, в каждый дом.

Я спокойна за судьбу потомков,
Безграничный им открыт простор —
Шире многоводного потока,
Выше, чем вершины старых гор.

И одно лишь только омрачает
Ласковую радость светлых дней:
Все меня бабусей величают,
Откровенно, не по нраву это мне...

На мои морщины не смотрите —
Это стародавнего следы.
И меня старушкой не зовите,
Я не уступаю молодым.

Потому что радость я узнала
И почет заслуженный, большой.
В Октябре звездою засияло
Счастье над моею стороной!

Изобилье — за труды награду
Вижу не во сне, а наяву.
И старушкой звать меня не надо:
Я до коммунизма доживу.

Перевел с адыгейского Виктор КИСЕЛЕВ.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Владимир КРИВЕНЧЕНКО

СОРЕВНОВАНИЕ это началось не совсем обычно. Родилось оно в марте, во время XII съезда комсомола, в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. В перерыве между заседаниями к группе алтайских делегатов подошел крепкий, коренастый юноша и решительно протянул руку рослой девушке — медицинскому работнику. .

— Давайте познакомимся. Я Александр Каверин. А вы, конечно, Федянина?..

Валя Федянина, бригадир тракторной бригады, стояла тут же, в двух шагах. По фамилии Федянину знали многие молодые механизаторы: в прошлом году она с успехом руководила женской тракторной бригадой в Егорьевском районе, но при знакомстве всегда путали ее с подругами: знатного бригадира подводил невидный рост.

— Федянина — это я,— сказала Валя.

Они одновременно усмехнулись, и Каверин после недолгой паузы произнес:

— Я хочу предложить вам соревноваться. Согласны?..

Соревноваться с Кавериным? Предложение было лестным. Валя много слышала о тамбовском бригадире, недавно переселившемся с комсомольской путевкой на целинные земли Павлодарской области. Но что у них получится?.. Ведь очень разные условия работы в Казахстане и на Алтае... Бригада Каверина состоит из опытных трактористов, а ее бригада в Тишинке формировалась из новичков. Но не уступать же!..

— Я согласна,— ответила Валя.— Но с одним условием: чтобы главным показателем у нас был урожай и доход, который уже в этом году мы принесем колхозу...

...И вот спустя месяц двадцатидвухлетний бригадир и тринадцать трактористок сидели в только что установленной на полевом стане большой утепленной палатке. Крупные капли весеннего дождя четко постукивают о брезент; глухо шумят на ветру ивы, а в палатке тихо, только чуть потрескивает фитиль керосиновой лампы. Язычок пламени часто вздрагивает, бросая трепетные отблески на женские лица. Какие они все разные!.. Вот хмурит густые брови Матрена Николаевна Водолазка, помощница Федяниной, единственная в бригаде трактористка с многолетним стажем. Ее злит непогода, а может быть, и беспечная веселость Марии Гладких. Той все нипочем. Сочинительница задиристых частушек, она поблескивает черными глазами, ни на минуту не прячет мелкие острые зубы. Чего Марии бояться: не впервые ей выводить тракторы в ненастье!

А вот новички — семнадцатилетние горожанки Вера Пестова и Валя Рябова, самые юные в бригаде,— что-то присмирели, приуныли. Прижались друг к дружке и боязливо посматривают на стены палатки, часто вздрагивающие под напором дождя и ветра. А рядом с ними сидит еще одна новенькая,

Наташа Гребенюк, но ее настроение не разберешь. Смотрит под стол, а лицо нехорошее, безучастное... С новенькими и заговорила Федянина:

— Что, девчата, не приглянулась целина?..

Вера Пестова отозвалась без запинки:

— Да разве же это целина?.. Мы думали, в степь нашу палатку вывезут, где за сто километров живой души не встретишь, а тут обыкновенный колхоз. До села при желании пешком в полчаса дойдешь...

— Было б за чем ходить! — насмешливо проговорила Валя Рябова.— А то и смотреть на эту Тишинку не хочется! Ни клуба в ней, ни музыки, ни танцев, кино, может, раз за все лето привезут, а книжки дельной в жизни не достать!..

Федянина улыбнулась. Она тоже выросла пусть в небольшом, но все-таки городе, получила среднее техническое образование, заочно училась в сельскохозяйственном институте. Могла бы работать в МТС на сравнительно спокойной должности механика-контролера, но нет же, пошла вот в тракторную бригаду. Она понимала, как много зерна могут дать стране целинные земли.

И тут Валя рассказала подругам о тех своих мечтах и расчетах, которые не решилась открыть на съезде Каверину:

— Вы подумайте, те земли, которые распашет и засеет нынешней весной наша бригада, к осени принесут колхозу больше миллиона рублей чистого дохода. Выходит, мы изменим жизнь Тишинки в один год.

Девушки заинтересованно притихли. Потом стали прикидывать возможную урожайность, доход. Действительно будет миллион! Одна лишь Наташа Гребенюк оставалась попрежнему молчаливой. И у Вали снова появилось тревожное предчувствие: эта может подвести.

Вскоре предчувствие бригадира оправдалось.

В трудную пору приступили девчата к полевым работам. В начале мая злые степные ветры принесли снеговые тучи, а новенькие серовато-голубые «ДТ-54» пошли в наступление на целину. Снег продержался недолго, всего несколько часов, но сменивший его мелкий леденящий дождь не унимался. Дороги превратились в непролазное месиво, и только плотная войлочная подушка целинного дерна кое-как удерживала на поверхности земли тяжелые машины. Тракторы часто буксовали, местами вязли, а на солонцах и тонули. Как тут выполнять дневные задания, тем более неопытным, теряющимся при каждой неудаче девушкам-новичкам?..

— Учитесь маневрировать скоростями,— наставляла их Федянина.— И еще одно: привыкайте переключать скорости автоматически, без раздумий, а то у вас на каждое переключение не меньше минуты уходит. Так можно выгадать за смену добрых два часа...

Отработав свое время, и Валя и Матрена Николаевна Водолазка пересаживались в кабинки то к Вере Пестовой, то к Вале Рябовой, то к Наташе Гребенюк, показывали им, как экономить минуты, как работать на раскисших от ненастья почвах. И все равно новички часто ошибались — все трое. Но разное у них было отношение к своим ошибкам. Вера Пестова как-то на крутом повороте поломала сцеп с боронами — так после она не то что на тракторе, а и на лошади старалась заворачивать помягче, поосторожней. А Наташе Гребенюк каждая обнаруженная оплошность служила предлогом для бесконечных стенаний по поводу того, что у них здесь ничего не выйдет, что совсем напрасно взялись они не за свое, за мужское дело, совсем напрасно переселились в степь. Что только не делали подруги: и помогали Наташе больше, чем другим, и стыдили ее, и распевали сочиненные Марией Гладких частушки,— ничто на нее не влияло. И когда Гребенюк наехала трактором на плуг, вогнала его в землю и чуть не покалечила прицепщицу, Федянина спросила ее напрямик:

— Ты хочешь дальше работать трактористкой?

— Я хочу домой,— после недолгого раздумья ответила Наташа.

Так они и расстались. И хотя после того пришлось пережить им еще немало тяжелых дней, жалобы сразу прекращались, как только Федянина многозначительно напоминала:

— Может быть, ты тоже хочешь домой?

Механизированный ток колхоза имени Молотова (Алтайский край).
Фото В. Николаева (ТАСС).

А жилось им действительно нелегко: первые недели даже негде было по-человечески отдохнуть. Палатку в заморозки пришлось оставить. Перебрались в старую избушку-развалюшку, но там девушек преследовали дым, чад, духота.

Помогли им рабочие Алтайского тракторного завода. Как-то в конце мая они приехали к Федяниной целой делегацией и привезли подарок — сияющий свежей краской полевой вагончик. Руководитель делегации молодой мастер Злобин сказал:

— Дружить теперь будем. Как-никак, мы тоже кое-что смыслим в технике.

Работа у девушек пошла успешнее, и когда они прочли первое письмо Каверина, то, к собственному удивлению, обнаружили, что намного опередили знатного бригадира: к 24 мая у Федяниной было вспахано и засеяно уже 640 гектаров.

Но тут-то и начались новые трудности, неведомые ни Каверину, ни другим казахстанцам: в колхозе вдруг исчезла целина.

Конечно, необработанных земель осталось еще достаточно, но после обильных дождей на обычно бесплодных степных участках поднялись такие буйные травы, что колхозники, помня о только что минувшей тяжелой зимовке скота, никак не соглашались пустить их под распашку до сенокоса. А пока в МТС и в районе решали, чем же до сенокоса заняться целинщикам, Федянину вызвали в Барнаул на совещание.

Вернувшись, она застала в вагончике только рубцовских подружек — Веру Пестову и Валю Рябову. По-домашнему, в пестрых халатиках, худенькие, угловатые, как сестры, похожие друг на дружку, они валялись на постелях и невесело напевали новую частушку:

На Тишинке земли нету,
Хоть летай ты по полям.
У кого земля гуляет,
Дайте нашим тракторам!..

— А где же остальные? — полюбопытствовала Федянина.

— Они лес колхозу возят,— отрапортовала Вера.— Для постройки клуба и кошар. Видно, и в Тишинке начинают за ум браться... Мы тоже в лес просились, да не пускают нас. Дорога, говорят, туда трудная...

— Так почему вас на сенокосе не используют?

— А он, говорят, в задачу целинной бригады не входит...

Вале Федяниной без труда удалось устранить это досадное недоразумение, но месяц дорогого времени был потерян. К подъему паров под урожай 1955 года федянинская бригада приступила только 11 июля и все-таки к концу месяца вспахала еще 737 гектаров целины вместо 500 гектаров по плану.

Прошла весна и большая часть лета, а погода на Алтае все не менялась. Менялось лишь отношение к ней хлеборобов. В дни посевной механизаторы и колхозники дружно ругали весеннее ненастье; потом, когда на полях зазеленели всходы яровых, люди довольно поглядывали на затянутое серыми тучами небо. Но вот кончился июль, подступала пора уборки, нужен был всего лишь десяток погожих дней, чтобы пшеница дозрела окончательно, а вместо них снова зарядили проливные еженощные дожди. И хлеб стал ложиться поначалу на низинных, наиболее увлажненных участках, потом — целыми полями. И люди опять с тревогой поглядывали на тучи, спрашивая себя, будет ли конец этому.

Тревожилась и Валя Федянина. Теперь многое зависело от искусства комбайнера. Отнесется он к работе честно, сумеет использовать каждый погожий часок — и хлеб сполна пойдет на колхозные тока, и будут выполнены обязательства, которые дала комсомолу Валя. У Каверина, конечно, случайностей не будет: у него механизаторы-универсалы,—а из валиных девчат никто водить комбайн не умеет.

Тревожные раздумья Вали были прерваны появлением Ивана Злобина, того самого мастера тракторного завода, который весной привез к ним на полевой стан вагончик.

— Принимайте отпускников! — весело объявил он.— Заводская подмога на уборку прибыла!..

Оказалось, Злобин раньше работал комбайнером и теперь, во время отпуска, решил выручить федянинцев. С собой он прихватил не только штурвального и копнильщиков, все тех же заводских комсомольцев, но и шоферов вместе с выделенными заводом грузовиками, и грузчиков, и весовщиков... Комбайн Злобину должна была дать МТС, но все приспособления, нужные для того, чтобы не зависеть от погоды и состояния хлебов, он заготовил заблаговременно.

И вот уборка началась. Сначала косили ячмень и овес, намолачивали по 30—35 центнеров с гектара. А там подоспела и пшеница.

Теперь-то уж, кажется, Вале Федяниной нечего было волноваться, но все-таки тревожно забилось у нее сердце, когда комбайн Злобина зашел в пшеничный массив. Шел он наискосок, чтобы легче было поднять полегший хлеб, шел неспешно, так, что Вале и колхозному бригадиру Бойко было нетрудно поспевать за агрегатом и следить, чисто ли работает его командир. Вначале их взгляды были прикованы к пружинам, которые осторожно и ловко подхватывали пшеничные стебли, проворно выпрямляли их и бросали на ножи хедера. Потом посмотрели, как идет по транспортеру густая масса соломы, идет плавно, без задержек: в транспортере Злобин тоже сделал кое-какие перестановки. Смерили глазами высоту стерни, остались довольны... К комбайну подошла автомашина, и из бункера на ходу хлынул золотой поток.

— Как думаете, Григорий Павлович,— почему-то очень тихо спросила Валя,— соберем мы с наших земель 100 тысяч пудов?

— Соберем...

— И миллионный доход будет?

— Поболе будет,— с расстановкой ответил колхозный бригадир.

А на соседнем поле, где уборка закончилась вчера, сегодня уже ползали два серо-голубых трактора-близнеца. Там поднимали зябь Вера Пестова и Валя Рябова. И, прислушавшись к ровному гудению их моторов, Валя Федянина подумала о том, что победа, которой радуется она сегодня,— лишь первая ступенька в цепи больших побед, которые очень скоро сделают неузнаваемой алтайскую степь.

Бобковская МТС,
Рубцовский район,
Алтайский край.

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА. ФОНТАНЫ.

Цветное фото Евгении Оцуп.

ПО ГРИБЫ.

Цветное фото А. Шишкина.

По сельской Америке

(Из путевых заметок)

Ник. УРЖУМСКИЙ

Впервую из моих поездок за пределы американской столицы, города Вашингтона, я обратил внимание на отсутствие деревень. Вдоль шоссе между городами и городками попадались только мелкие поселки, состоящие зачастую из магазина, ресторанчика и бензозаправочной колонки. Но кругом лежали поля. Где же живут обрабатывающие их люди?

Между полем и асфальтом шоссе узкая лента запыленной, невозделанной земли: колючая сухая трава или редкий кустарник. По этой полосе тянется вереница приземистых столбиков с колючей проволокой. Там, где проволока прерывается, в сторону от шоссе уходит проселочный путь. Над ним, на шесте или просто на дереве, дощечка с надписью: «Проезда нет. Частная собственность». Путь ведет к одиноко стоящему в поле домику. Рядом с домиком хозяйственные постройки и барак для батраков. Так выглядели первые увиденные мною и моими спутниками американские фермы.

Нам было очень интересно узнать, как живут люди на фермах. Но сделать это оказалось не так-то просто. Отгороженные от проезжих и от соседей колючей проволокой, заборами и межами, фермеры живут замкнуто, пришельцев встречают недружелюбно, о своих делах и заботах предпочитают молчать. Весь их настороженный, недоверчивый вид говорит: расскажи, мол, тебе о своих слабостях, и ты меня съешь: ведь у нас человек человеку — волк...

Но однажды нам повстречался разговорчивый фермер.

ФРЭД ХОУП — «САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ» ФЕРМЕР

Проезжая по штату Айова, который американцы нередко именуют своей «золотой житницей», мы остановились позавтракать в придорожной закусочной. У прилавка, служащего одновременно и столом, нашим соседом оказался сухопарый мужчина средних лет в выжженной солнцем шляпе неопределенного цвета. Он сел, как и мы, на высокий круглый табурет и положил на прилавок большие, натруженные руки. Несколько раз обращала на него вопросительный взгляд девушка-официантка, но мужчина продолжал сосредоточенно рассматривать прейскурант и не торопился заказать себе завтрак.

Наконец он поднял голову. Губы его были искривлены грустной усмешкой:

— Хлеб подорожал. А нам за него стали платить меньше...

Ни к кому в отдельности не обращаясь, мужчина вдруг начал рассказывать:

— Был я недавно в парикмахерской. «Вы должны брить фермеров за полцены,— говорю я мастеру,— потому что доходы наши уменьшились вдвое». А он мне в ответ: «Нет, мы должны брать с вас, фермеров, двойную цену, потому что по мере падения ваших доходов лица у вас вытягиваются». И так всюду: чем меньше зарабатываешь, тем больше с тебя берут. Сколько же еще могут вытягиваться наши лица? Пока мы не протянем ноги?

Официантка оборвала горькие шутки фермера:

— Будешь сегодня завтракать, парень?

— Сегодня еще буду,— опять с усмешкой ответил он. — А завтра уже едва ли...

Мы разговорились с этим мужчиной. Зовут его Фрэд Хоуп. Он обычно завтракает здесь по пути в поселок. Там Фрэд каждое утро моет автомашины в гараже одной торговой фирмы. Что поделаешь? На доходы от фермы не проживешь, надо подрабатывать. Так поступают большинство мелких, да и многие средние фермеры: одни прирабатывают постоянно в городе, другие летом работают на своих полях, зимой — на стороне. Только приработок находить все труднее: в стране растет безработица.

В США два процента фермеров — крупные и крупнейшие — владеют почти половиной всей земли под фермами. Такие «фермеры» живут обычно в городах или имениях, а на огромных массивах их полей сосредоточено большинство тракторов, комбайнов, автомашин, работает преобладающая часть американских батраков — сельскохозяйственных рабочих. Миллионы же средних и мелких фермеров владеют остальной землей. Многие из них обрабатывают ее подчас примитивной техникой и обильно поливают собственным пóтом, но все же с гордостью именуют себя «самостоятельными» фермерами в отличие от арендаторов-издольщиков, вообще не имеющих своей земли.

Фрэд Хоуп, говоря о себе как о «самостоятельном» фермере, произносил это слово с неизменной усмешкой. О какой «самостоятельности» может быть речь, когда он вынужден покупать все продукты питания для семьи и завтракать в закусочной, ибо по чужой воле он производит только пшеницу! Ни один фермер не может сбывать свою продукцию непосредственно потребителю: у него нет для этого ни времени, ни транспорта, ни средств на рекламу и борьбу с крупными конкурентами. Всю его продукцию забирают компании-скупщики. Они устанавливают цены, в погоне за барышом все время снижая плату фермерам и вздувая цены в розничной продаже. Скупщики дают фермеру кредит, без которого, как говорит Фрэд Хоуп, «не посеешь и не пожнешь». Но за кредит им нужно платить до 30—40 процентов в год. Кроме того, приходится подчиняться во всем их воле: производить только то, что они прикажут, когда прикажут и сколько прикажут.

Цены на удобрения, инвентарь и все необходимые фермеру товары растут. Налоги тоже увеличиваются. Фермер вынужден брать деньги взаймы еще у банков, а за это закладывать банку свой дом и другие постройки. Стоит запоздать с очередным взносом в счет погашения долга банку, и все твои владения будут отобраны. Так на деле выглядит «самостоятельность» Фрэда Хоупа. Достаточно небольшого неурожая, нового снижения закупочных цен или просто болезни фермера или одного из членов его семьи (ведь медицинская помощь в США только платная, причем одна операция аппендицита стоит половину всех его доходов за год) — и фермер разорится.

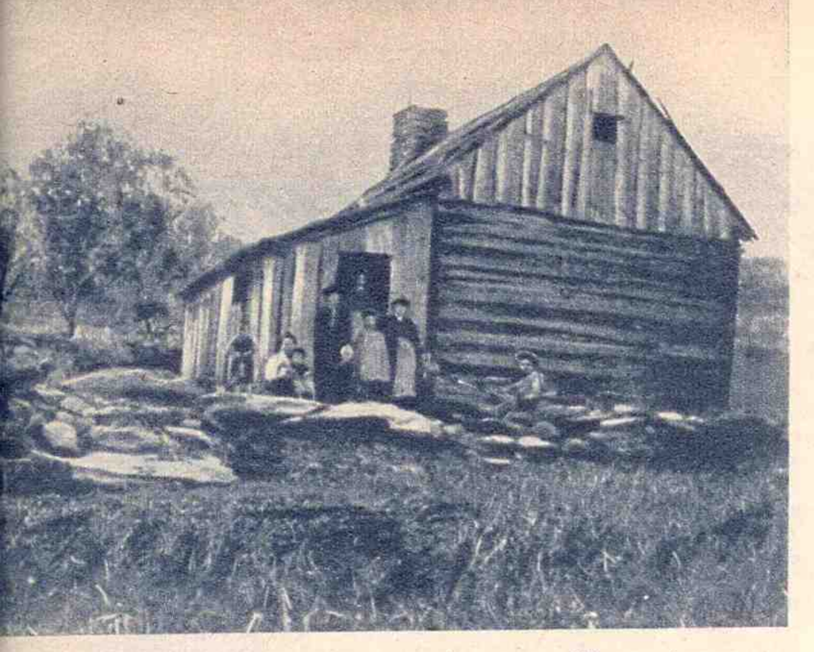
В таком положении находится большинство «самостоятельных» фермеров Америки.

— Ежедневно почти три сотни средних и мелких фермеров разоряются в нашей стране. Это значит, что каждый из нас лишь ждет своей очереди,— заключает разговор Фрэд Хоуп. — Не правда ли, есть от чего вытянуться нашим лицам?

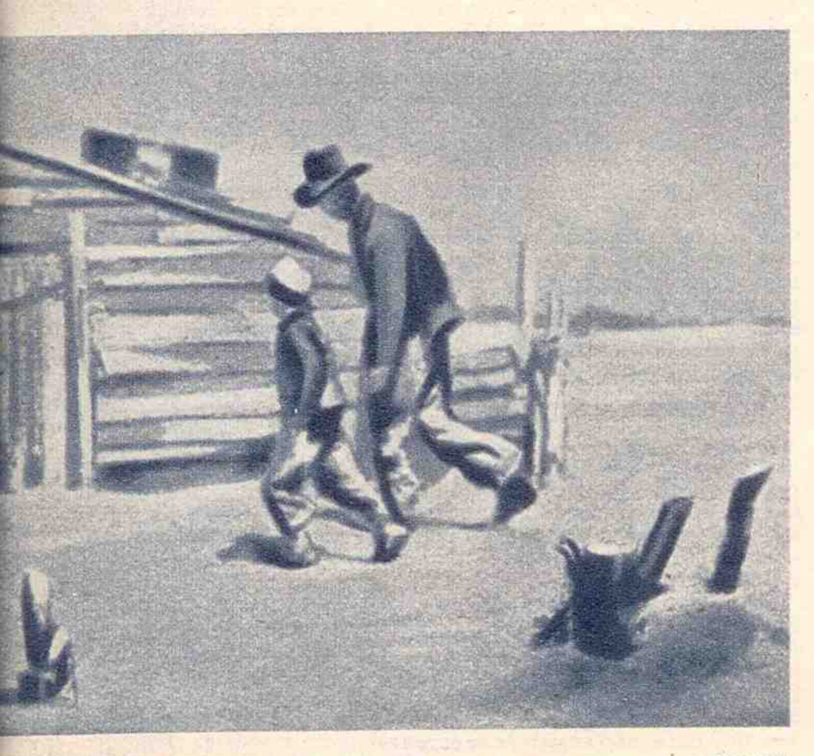
КТО УБИЛ ЮНУЮ АЙРИН?

Мне никогда не забыть пятнадцатилетнюю Айрин, хотя я ни разу не видал этой девушки. Айрин повесилась в недостроенном коровнике за день до нашего приезда в штат Джорджия, где она проживала. Историю этой девушки рассказывали нам люди, знавшие ее близко.

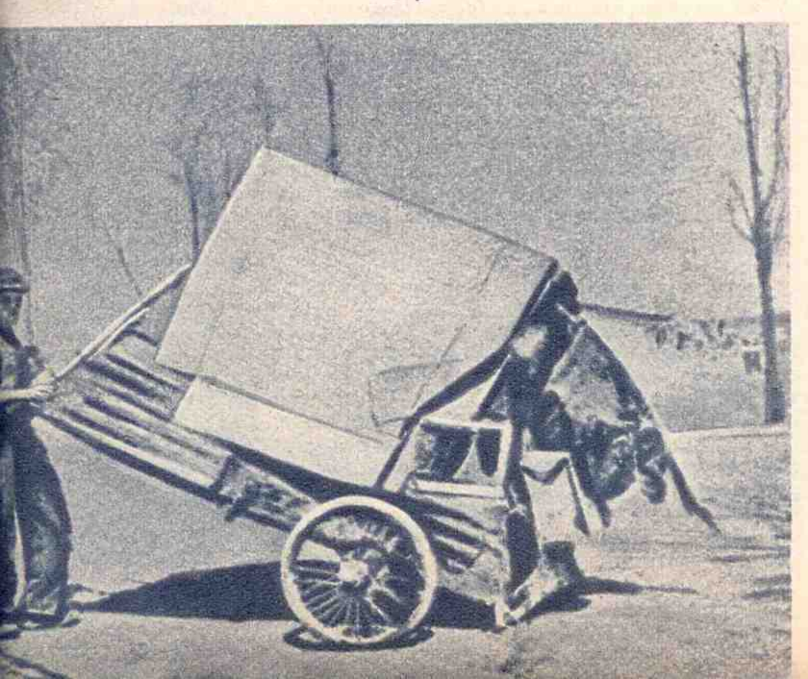
Отец Айрин был когда-то таким же «самостоятельным» фермером, как знакомый уже нам Фрэд Хоуп, но потом разорился. Однако до последних дней жизни он питал надежду вновь «стать на ноги» и «вывести в люди» свою

Типичный дом американского фермера в Южных Аппалачах.

Разорившиеся фермеры бродят по стране в поисках заработка.

единственную и горячо любимую дочь. Иногда, вернувшись поздно вечером с работы в дощатую хижину с фанерной крышей, он садился в угол, на кучу старых мешков, служившую ему постелью, и, превозмогая сон и усталость, начинал мечтать вслух. Его голос доносился из темноты (на освещение не хватало денег) до засыпающей Айрин: «Ты будешь учиться. Уедешь работать в город, станешь, может быть, машинисткой или даже кассиром. И вдруг тебе удастся найти обеспеченного мужа — ведь ты такая красивая! Тебе не придется гнуть спину от зари до зари на чужом поле...» Таков был предел мечтаний старого труженика, но Айрин его слова казались чудесной сказкой. Во сне она видела себя счастливой.

Но наступало утро, и с ним возвращалась жестокая действительность. Отец Айрин был теперь издольщиком, или кроппером, как принято называть таких людей в США. Он арендовал у крупного землевладельца клочок земли и, не имея ничего за душой, получал от хозяина также тягловую силу, инвентарь, семена и даже жилье и продовольствие для пропитания семьи. Таким жильем служила хибарка без окон и печи, подобная хибаркам других двадцати с лишним кропперов-соседей. Но издольщикам и их семьям в поселке приходится спать всего лишь несколько часов. Все остальное время они под надзором приказчиков хозяина трудятся на «своих» полях, выращивая то, что указал хозяин,— большей частью табак или хлопок.

Осенью кропперы отвозят весь урожай на склады землевладельца. Он высчитывает стоимость всего — от консервированных бобов, выданных в кредит из его магазина, до поливки плантаций из его водоема. Цену он определяет по своим соображениям. После такого расчета кропперам остаются сущие крохи. Чтобы как-то прожить до следующего урожая, они вынуждены вновь одалживаться у хозяина. Отцу Айрин «не повезло»: урожай на его участке в течение трех лет подряд оказывался недостаточным, чтобы расплатиться с хозяином, и долг стремительно возрастал. Все трое — отец, мать и Айрин — работали по 15 часов в сутки, напрягали все свои силы, чтобы в этом году, как говорил отец, «переломить судьбу». Но события сложились иначе. Отец Айрин надорвался и умер. Хозяин прибавил к прошлым долгам еще расходы на похороны.

— Нам век не рассчитаться, Айрин,— сказала однажды мать девушке.— Выхода нет. Беги, Айрин, ищи свою судьбу, ведь отец хотел, чтобы ты вышла в люди. А я уж как-нибудь одна потяну наше бремя...

Две недели не появлялась Айрин в поселке кропперов. Но как-то ярким солнечным утром с одного поля на другое полетела весть: «Айрин везут!» По дороге, ведущей к конторе управляющего, показалась полицейская автомашина. В машине между двумя дюжими стражниками сидела бледная и молчаливая девушка. Состоявшийся вскоре суд, среди заседателей которого не было, разумеется, ни одного кроппера, постановил: Айрин и ее мать должны отработать хозяину долги умершего отца и мужа, но уже не в качестве кропперов, а в качестве подневольных рабочих. Хозяин присчитал к прежним долгам еще затраты, сделанные им на двухнедельные поиски беглянки. Получилась столь крупная сумма, что Айрин не смогла ее даже запомнить.

Ночью на нарах батрацкого общежития, казавшегося смрадной ямой по сравнению со строящимся рядом новым коровником, Айрин и ее мать подсчитывали, сколько десятков лет придется нести им рабское ярмо.

Утром вся округа узнала о смерти Айрин. Полиция констатировала, что девушка «наложила на себя руки по собственной воле». Хозяин, говорят, изрек: «Я не знаю и знать не хочу, в чем причина ее смерти. Я знаю, что она бессовестно обокрала меня, улизнув от уплаты долга». Кропперы и батраки говорили о смерти Айрин как об убийстве. Кем убита юная Айрин? Никто не осмеливался открыто ответить на этот вопрос из боязни за свою судьбу. Девушка оказалась очередной жертвой изуверской системы современного рабства, господствующей в Соединенных Штатах Америки. А скольких еще убьет эта система! Ведь среди фермерского населения юга США каждый третий является кроппером — полурабом, стоящим на пути к полному рабству.

ДЕТИ И БАРЫШИ

Один американский журналист, подвергающийся теперь преследованиям за свои взгляды, рассказал мне как-то о посещении им крупного имения в Вирджинии, неподалеку от Вашингтона. Обходя имение вместе с хозяином, он увидел низкую и длинную землянку. Журналист высказал предположение, что это, наверно, овощехранилище. Хозяин рассмеялся:

— Повидимому, вы мало знакомы с сельским хозяйством, сэр. Овощи тут сгнили бы от сырости. Это просто жилье для моих батраков-негров.

Мне этот рассказ вспомнился много позже, в солнечной Калифорнии, богатом американском штате на берегу Тихого океана. Там мне довелось видеть сельскохозяйственных рабочих-мексиканцев на плантации неподалеку от города Сан Матео. Поговорить с ними не удалось: нельзя было их оторвать от работы, так как это грозило им наказанием, а искать их жилье вечером было бы бесполезно — никто не пустил бы туда иностранцев, ибо жили мексиканцы в условиях, говорят, не менее ужасающих, чем негры в Вирджинии. Мы наблюдали работу мексиканцев из машины. Люди, не разгибаясь, собирали какие-то ягоды, кажется, клубнику. Среди сборщиков преобладали женщины и дети.

В США, по разным данным, от 4 до 5 миллионов сельскохозяйственных рабочих. В южных штатах среди них преобладают негры, в Калифорнии и Аризоне — мексиканцы. Это наиболее угнетенные и бесправные батраки, с которыми хозяева и власти обращаются, как со скотиной. Но положение и остальных сельскохозяйственных рабочих немногим отличается от положения их негритянских и мексиканских собратьев.

Особенно широко используется на сельскохозяйственных работах женский и детский труд. Мужчина-батрак зарабатывает, как правило, сумму, в три — четыре раза меньшую, чем то количество денег, которое, даже по официальным подсчетам, необходимо для того, чтобы жить не впроголодь. А женщинам за ту же самую работу платят значительно меньше, иногда всего половинную заработную плату, только потому, что они женщины. Таков американский закон. Еще более выгодны для земледельцев-хищников детские руки. Дети работают по тем же нормам, что и взрослые, но уже совсем за гроши или просто за похлебку. Родители вынуждены под давлением нужды и голода посылать своих детей на заработки.

Те маленькие мексиканцы, которых мы видели на калифорнийской плантации, вообще не знают школы, как удалось нам выяснить позже. Однако и попавшим в школу детям сельскохозяйственных рабочих, арендаторов-издольщиков и бедных фермеров приходится не сладко.

В маленьких местных калифорнийских газетах я нашел сообщения, которые не проникают на страницы «солидных» органов американской печати. Так, газета «Геральд-игзаминер» опубликовала недавно рассказ некой Вирджинии Каррингтон, учительницы сельской школы в округе Сан Луис Обиспо. Учительница заявила, что 70 учащихся их школы от 6 до 13 лет голодают. «Когда они очень страдают от голода,— бесстрастно повествует Каррингтон, — мы посылаем их выпить стакан воды. Это помогает им на полчаса. Затем они должны идти снова».

Другая газета, прогрессивная «Дейли пиплз уорлд», пишет: «Тень голода висит над роскошной свежестью долин Калифорнии. Во многих сельских школах имеются дети, которые подымают руку среди урока и говорят:

— Учитель, я голоден...

Голод налицо. Этого никто не отрицает. И это голод среди богатства и изобилия: ведь на западной стороне долины Сан Жоакин, в районе наибольшего бедствия, крупные землевладельцы подсчитывают барыши, полученные от урожая хлопка и правительственных дотаций. Барыши немалые...»

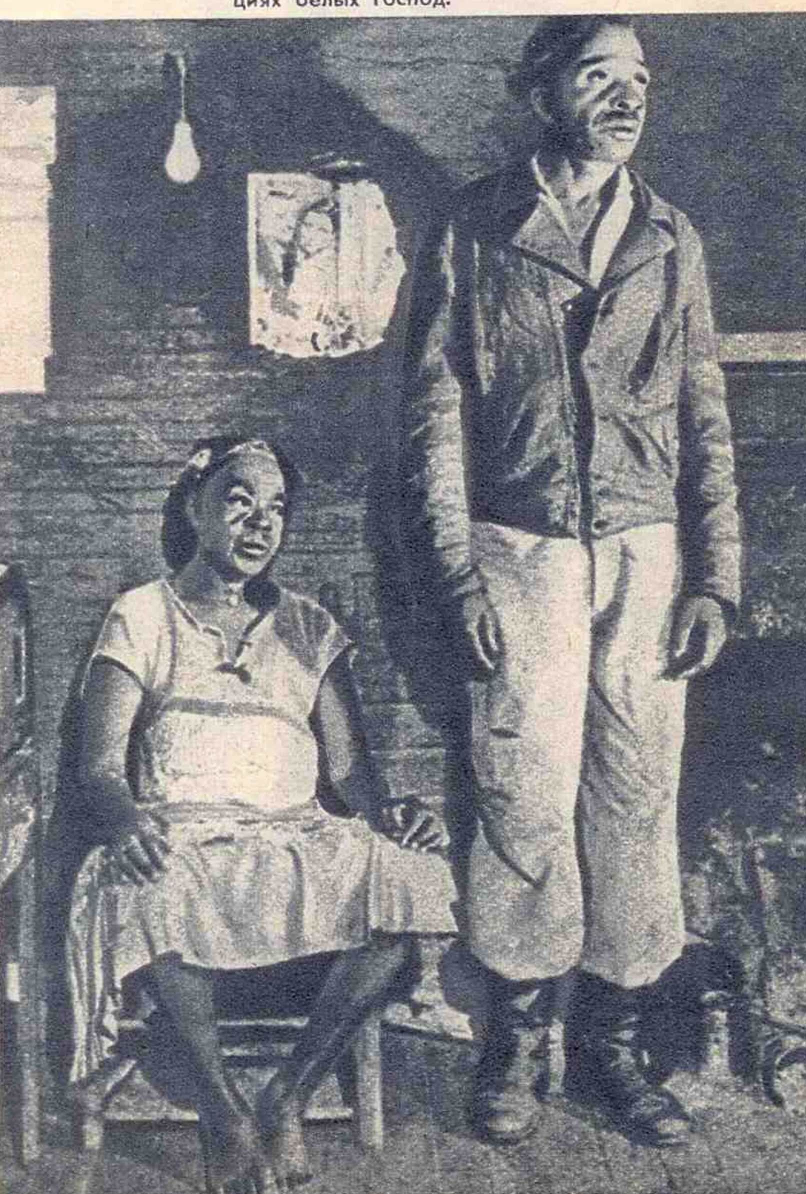
* * *

Богатство и благополучие плантаторов и крупных фермеров, строящиеся на крови и поте миллионов мужчин, женщин и детей, не могут скрыть истинного лица сельской Америки даже от глаз приезжего человека.

Много горя и нужды узнали за свою короткую жизнь эти дети сельскохозяйственного рабочего.

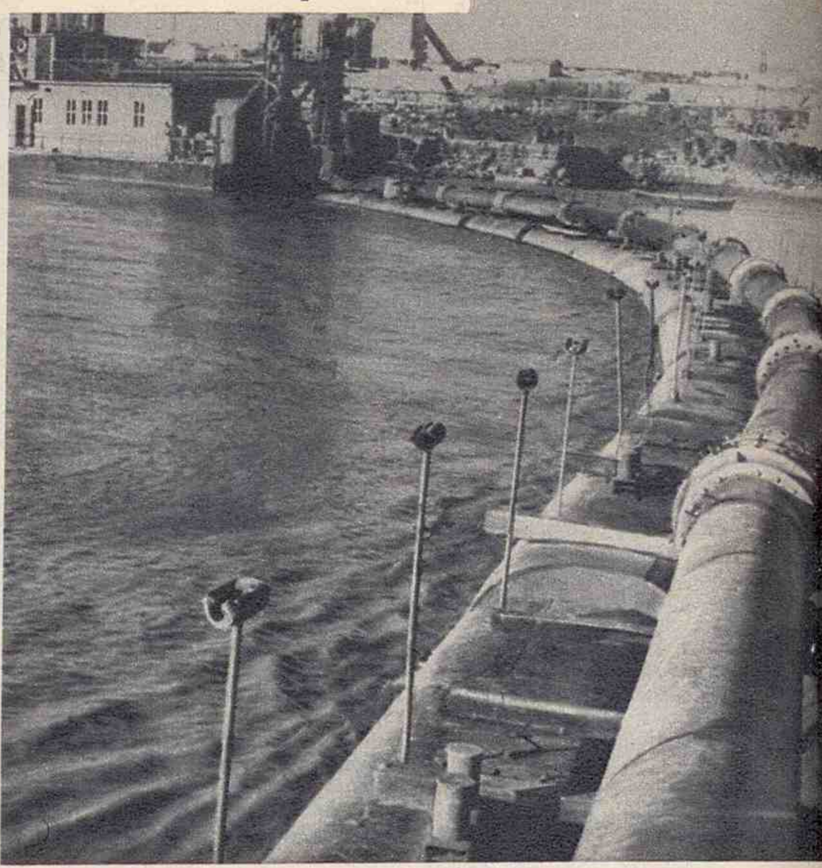
Эти негры — муж и жена — всю жизнь трудились на плантациях белых господ.

По Советской стране

↑ Московская область. Коллектив Яхромской фабрики за восемь месяцев этого года выработал сверх плана около двух миллионов метров штапельных и хлопчатобумажных тканей. На снимке: бригадир Е. Хромов и ткачиха А. Волкова.

Молдавская ССР. На строительстве Дубоссарской ГЭС закончено сооружение плотины и затопление котлована. На снимке: земснаряд размывает перемычку для пропуска днестровской воды. ↑

↑ Украинская ССР. Колхозницы сельхозартели имени Жданова, Рожищенского района, Волынской области, Анна и Надежда Лукайчук получили на трудодни зерно нового урожая.

Фото ТАСС.

В Таджикской ССР идет массовый сбор хлопка. На снимке: обоз с хлопком нового урожая из колхоза имени Маленкова, Курган-Тюбинского района. ↓

Наша ферма

Елизавета ВАШУКОВА,
депутат Верховного Совета СССР

Фото А. Шишкина.

Мы, животноводки колхоза «Новая жизнь», Холмогорского района, Архангельской области, удостоились высокой чести быть участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Нашу ферму почти целиком привезли сюда, более чем за тысячу километров. Железнодорожники устроили нам «зеленую улицу», чтобы мы скорее приехали в Москву. И вот ферма на выставке. Мы охотно рассказываем о своей работе, делимся достигнутым.

Возле наших холмогорок всегда много народу. Часто подходят целые группы доярок.

Запомнилась мне одна встреча. Подводит экскурсовод ко мне нескольких колхозниц и говорит:

— Елизавета Яковлевна, вот курские доярки ищут вас. Они слышали о ваших успехах, хотят увидеть ваших коров, поговорить с вами.

Одна из доярок, молоденькая девушка, смотрит на меня и смущенно просит:

— Расскажите нам, Елизавета Яковлевна, как вам такие коровы попались.

Я невольно улыбнулась.

— Да разве,— говорю,— они нам такими «попались»?

И рассказала им коротко историю нашей фермы, каждой из моих десяти коров.

Наша северная холмогорка вообще хороша: и крупна, и нетребовательна, и смирна. А главное, молока дает много.

Но для того, чтобы коровы давали в год по пяти с половиной тысяч литров молока, пришлось немало поработать. И было время, когда вот эти самые коровы, которые сейчас представлены на выставке, давали не более чем по две—три тысячи литров. А жирность молока была не около четырех процентов, как теперь, а три.

Я начинала свою работу на ферме телятницей. Сама отобрала и выходила телят для своей нынешней группы коров. Отбирала от наиболее высокопродуктивных родителей, от коров, которые отличались высокими удоями. За 15 лет моей работы дояркой я ни на один год не прекращала этого отбора. И число высокопродуктивных коров на нашей ферме все увеличивается. От коровы Сказки я выходила ее дочь — Цветную, от Ранней — Ханочку.

Увеличиваем мы стадо рекордисток и при помощи раздоя. Например, корова по кличке Радость давала по две—три тысячи литров молока. Я начала ее раздаивать, и Радость стала давать молока в два раза больше, а в прошлом году, по седьмой лактации, дала за триста дней более шести тысяч литров.

Высокой жирности молока мы достигаем не только при помощи правильного кормления. Наши доярки обязательно додаивают, или, как у нас говорят, «дочиркивают», остаточки молока. Их немного: граммов триста,— зато жирность — и десять и двенадцать процентов.

Елизавета Яковлевна Вашукова делится с колхозниками-таджиками опытом своей работы.

Молодая доярка Зоя Вашукова и ее любимица корова Азбука трех лет. Удой Азбуки за 300 дней — 6 443 литра.

Обо всем этом я рассказала курским дояркам. Интересовались они также, хорошо ли, мол, обеспечена ферма кормами. И пожаловались, что у них в этом отношении неважно: «Все грубые, а сочных в обрез».

Не от одних курян я слышала такие жалобы. Многие доярки из разных областей ознакомились с нашей фермой. Многие из них рассказывали нам о своей успешной работе. Но немало было и таких, которые сетовали на равнодушие колхозных руководителей к животноводству.

Одна доярка рассказывала:

— Рядом соседний колхоз много заготавливает хороших кормов. А у нас и силоса закладывают мало, да и грубых всегда нехватка, хоть лугов, пастбищ у нас не меньше. Внимания этому делу у нас нет. Поэтому и люди на ферме работают неохотно.

Нет, так нельзя. Недаром говорится, что молоко у коровы на языке.

Пастбища в нашем колхозе тоже не очень хорошие. Но мы их постоянно улучшаем: расчищаем от зарослей, а где надо, подсеваем траву. Мы разбиваем пастбище на загоны; на каждом скот пасется по нескольку дней с таким расчетом, чтоб на первый загон стадо возвращалось через месяц, когда трава на нем подрастет. В светлые северные ночи пасем круглосуточно.

Одновременно мы скот подкармливаем: даем клевер, вику, овес, а осенью — корнеплоды, кормовую капусту. На каждую корову мы засеваем теперь по 0,54 га кормовых культур. Не минуют наших рук и отходы с полей и огородов: все собираем и возим к себе на ферму.

Пришлось поработать и над рационом. Раньше мы давали коровам много концентратов и мало сочных кормов. А сейчас кормим больше сочными и грубыми. И корм обходится дешевле, и молока получаем больше.

Корм мы расходуем с толком. И чего только не делаем, чтобы он лучше поедался и усваивался! Солому режем и запариваем, жмых тоже запариваем, а картофель, турнепс моем. И о витаминах заботимся: замачиваем корма сосновым настоем.

Очень ответственный момент — запуск перед отелом.

Я запускаю своих коров при удое в 16—18 килограммов молока, примерно за два месяца до отела. Сокращаю дойку постепенно. Когда корова дает пять—шесть литров, я совершенно прекращаю доить. Только внимательно слежу за выменем. Чуть загрубение — поддаиваю.

После запуска кормлю с учетом веса коровы и будущих удоев. Есть у меня корова Уанна. Во время запуска я скармливала ей десять килограммов силоса, сено, солому, мякину и три килограмма концентратов. А за недельку до отела снимаю с рациона концентраты, даю поменьше и сочных, чтобы не было мастита или каких-либо других осложнений при отеле. После отела пою подогретой водой: от холодной в автопоилках корова может застудиться. Первые десять дней после отела даю сено и немного отрубей, а потом перевожу корову на полный рацион.

Работаем мы по новому распорядку — сблизив две первые и две последние дойки; и у доярки стало больше свободного времени, и коровы лучше отдыхают.

Здесь, на выставке, находится со своей группой коров и моя дочь Зоя. Она тоже выбрала профессию доярки, видно, любовь к животным у нас в крови. На нашем севере таких много.

Я хотела, чтобы после семилетки Зоя училась дальше. «Нет,— говорит,— на ферму пойду. Я, мама, буду потом заочно учиться, а ферму не покину». Вот ее коровы. Все девять — первотелки. Сначала пришлось маме потрудиться, помочь дочке.

Много у меня было учениц. Взять Людмилу Тряпицыну; добрая теперь доярка, тоже участница выставки.

Хорошо живут наши колхозники. В прошлом году выдали нам немало на трудодень. 1 900 литров молока я получила в дополнительную оплату — за превышение плана надоя.

Должна сказать, что основа богатства нашего колхоза — молочное животноводство. На 100 гектаров земли у нас 17 коров, а надой молока — без малого 800 центнеров. Доход от фермы в прошлом году составил больше двух третей общеколхозного дохода. Недаром за короткий срок колхоз построил новые типовые конюшни, птичник, овчарню, телятник, возводит новый скотный двор. Кроме того, выстроена вторая электростанция. Автопоение, электродойка у нас уже введены, теперь сможем электрифицировать все наше колхозное производство.

Неузнаваемо выросли в колхозе люди. Учатся, умело хозяйствуют. Много среди наших животноводов награжденных. Я лично награждена орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Ферма наша славится. К нам часто приезжают на семинары животноводы из других колхозов. Нередко и я бываю у соседей, делюсь своим опытом.

Но мы все же считаем, что использовали еще не все возможности, что вполне можем довести удой молока на фуражную корову до 6 тысяч литров. Для этого нам нужно заготавливать 20—25 центнеров сена и по 8 тонн сочного корма на каждую корову в год. И мы этого добьемся. В прошлом году мы заготовили по 6 тонн, а в этом уже будет более семи. Так что заветная цель не за горами!

В свободном Китае

Пять лет назад шестисотмиллионный китайский народ одержал победу над силами гоминдановской реакции и поддерживающих ее американских империалистов.

Из-под ига империалистов освободилась сразу четвертая часть человечества. За пять лет Китай стал поистине неузнаваем...

В старом Китае миллионы крестьян влачили нищенское существование. В Китайской Народной Республике в руки трудящихся крестьян передано 47 миллионов гектаров земли. Аграрная реформа позволила стране, всегда страдавшей от голода, не только обеспечить себя необходимым продовольствием и сырьем, но и приступить к социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Около 60 процентов крестьянских хозяйств объединилось в бригады трудовой взаимопомощи и производственные кооперативы.

Старый Китай — это страна индустриально слабо развитая, которую беззастенчиво эксплуатировал иностранный капитал. В новом Китае намного превзойден довоенный уровень промышленного производства. В 1953 году началось осуществление первого пятилетнего плана, по которому более чем вдвое увеличится объем промышленного производства. Китайский народ с энтузиазмом осуществляет планы строительства своей собственной тяжелой промышленности, своего машиностроения, увеличения добычи угля и руды, производства электроэнергии.

В старом Китае 85 процентов населения не умели читать и писать, эпидемии косили десятки миллионов человек, лишенных медицинской помощи... В новом Китае культура и знания проникают во все уголки страны. В начальных школах учится свыше 50 миллионов детей, в школах по ликвидации неграмотности занимается более 100 миллионов человек.

Растет благосостояние населения, повышается реальная заработная плата рабочих и служащих, увеличиваются доходы крестьян, развивается торговля.

В старом Китае женщину не считали человеком. За миску прогоркшего риса или кукурузную лепешку она от зари до зари гнула спину на помещика, на хозяина. Ее били, над ней издевались, ее продавали в рабыни...

В новом Китае женщина — полноправный член общества. Во всех областях жизни она получила одинаковые права с мужчинами. Брак, семья, материнство и младенчество находятся под защитой государства.

Великие политические права китайского народа — право на труд, образование, отдых — законодательно закреплены Конституцией Китайской Народной Республики, единодушно принятой первым Всекитайским собранием народных представителей — верховным органом государственной власти страны. Всеобщие выборы в органы власти — собрания народных представителей,— состоявшиеся впервые в истории Китая, а также всенародное обсуждение проекта Конституции с небывалой силой показали единство китайского народа, его сплоченность вокруг коммунистической партии и твердую волю идти по пути к социализму.

Народный Китай одерживает победы, опираясь на дружбу и помощь первой в мире страны социализма — Советской страны.

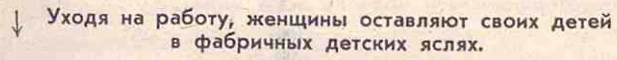
— Сплочение великих китайского и советского народов,— говорит Председатель Китайской Народной Республики товарищ Мао Цзэ-дун,— является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав — Китая и Советского Союза, но также на будущность всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире.

Члены сельскохозяйственного кооператива в деревне Шуфу, провинции Синьцзян, отбирают семена для посева.

В свободном Китае

↑ Геологи Цзоу Гуан-хуа (справа) и Хэ Цзинь-жу.

↓ Уходя на работу, женщины оставляют своих детей в фабричных детских яслях.

В детских яслях в Пекине воспитываются дети разных национальностей. Два друга — уйгур и тибетец. ↑

Мяо Тао-ин — студентка фармацевтического факультета Первого Шанхайского медицинского института. →

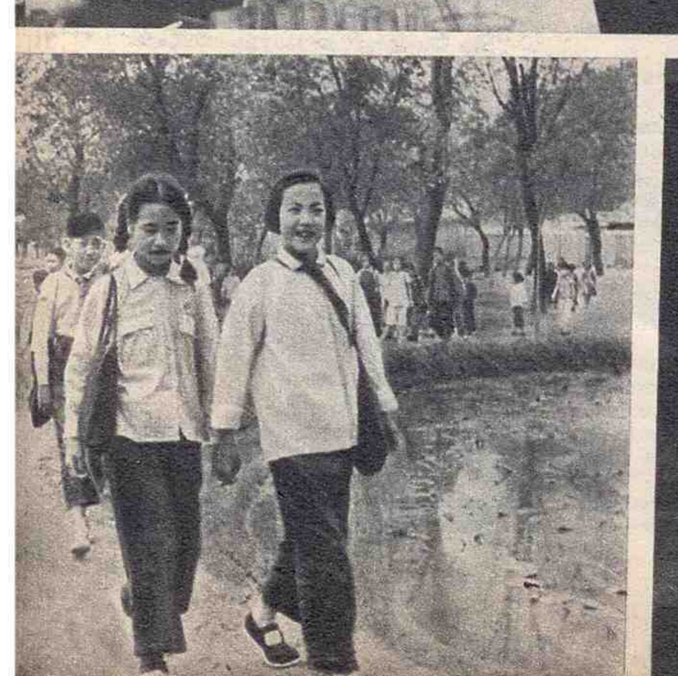
↑ Работница Аньшанского металлургического комбината Гао Юй-инь управляет сложным станком.

Учащиеся начальной школы деревни Люлон возвращаются домой после уроков. →

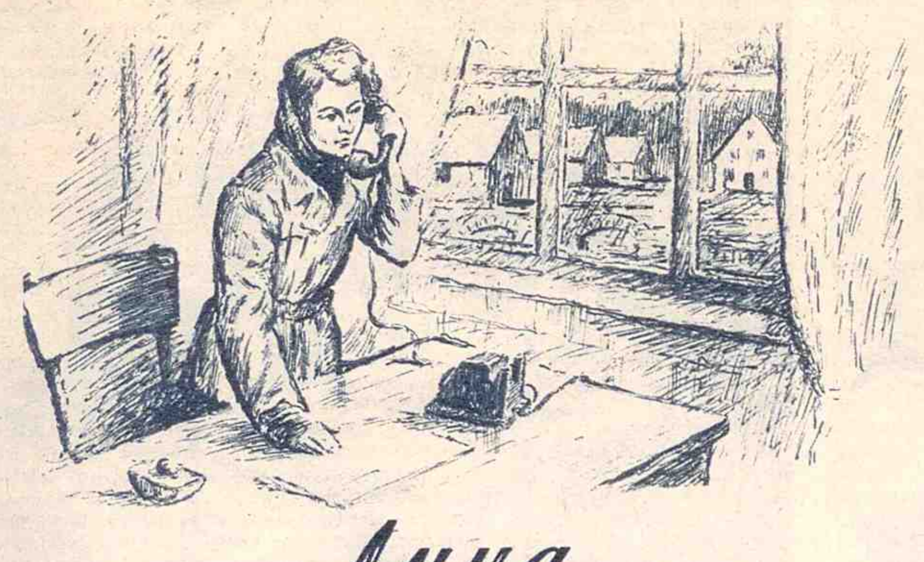

↑ Сбор плодов в окрестностях Кантона.

↓ Народный танец в исполнении работниц пекинских предприятий.

Анна и забастовка мужчин

Рассказ

Фридрих ВОЛЬФ

7 октября исполнилось пять лет со дня образования Германской Демократической Республики.

В рассказе «Анна и забастовка мужчин» известного немецкого писателя Фридриха Вольфа отражены новые отношения, вошедшие в жизнь немецкого народа.

Огромным завоеванием трудящихся является равноправие женщин. Немецкие женщины — активные участницы строительства новой жизни.

Рассказ «Анна и забастовка мужчин» показывает женщину — общественного деятеля, заслуженно завоевавшую всеобщее уважение.

У Анны Бергер, двадцатипятилетнего бургомистра из деревни Л., дел по горло. С раннего утра до позднего вечера она не знает ни минуты отдыха. То посев озимых, то лесозаготовки, то списки на поставки, то благоустройство улицы. А сколько всяких мелких, текущих дел! Теперь вот прибавилась еще забота: до зимы нужно подвести под крышу новое школьное здание. К концу дня Анна так уставала, что еле передвигала ноги.

Она не была неженкой, эта Анна. Ей и раньше приходилось много и тяжело работать. Ну, а теперь труд приобрел совсем иной смысл! И она работала, не жалея сил.

От дождей и солнца ее кожаная куртка, имевшая некогда нарядный вид, совершенно выгорела. А ведь раньше, когда она работала бухгалтером в одном из берлинских строительных бюро, ее туалеты были всегда безупречны. Теперь же она на все махнула рукой. Единственная «роскошь», какую она себе позволяла, заключалась в том, что каждый вечер после работы Анна мылась в большой кадке с горячей водой, потом без сил валилась на постель: нередко не могла даже приготовить себе ужина.

В эту среду из окружного города позвонил Герберт Швенк. Анна сняла трубку.

— Я хотел бы поговорить с бургомистром.

На мгновение у нее перехватило дыхание.

— Бургомистр у телефона.

— Как бургомистр? Я же говорю с женщиной!..

— Ну да... это правление... секретарь...

Герберт Швенк просил передать своему брату, что завтра приезжает домой.

Как давно они не виделись! Кажется, что минула целая вечность. Сколько событий прошло с тех пор, как Герберт, ее старый друг детства, со своей танковой частью был брошен на фронт!

Жизнь в Берлине, где она, начав работать простой стенографисткой, дослужилась до должности бухгалтера. Разрушенное бомбами бюро. Эвакуация в деревню. Последнее не испугало Анну. Наоборот, она чувствовала себя в деревне, как дома,— ведь она родилась в крестьянской семье. Потом крах гитлеризма, капитуляция. Анна переехала к себе на родину. Помогала старому бургомистру вести счета, книги, таблицы. За какое бы дело она ни взялась, все ладилось. Но со старым бургомистром Анна не ужилась: упрямый старик хотел все делать по-своему. Иногда дело доходило чуть ли не до скандалов. Это ей наконец надоело. Она заявила, что лучше будет работать на своем поле, чем в правлении. Но община, на семьдесят процентов состоявшая из женщин, решила иначе. Анну выбрали бургомистром. Трудностей в работе и потом было немало, но она справлялась с ними.

И только сегодня в разговоре с Гербертом по телефону она поступила не так, как следовало бы. Почему, собственно говоря, она не сказала Герберту, своему старому другу, что стала бургомистром? Ведь он же все равно узнает завтра! В конечном счете их дружба не остыла и за годы войны. Время от времени она посылала ему маленькие посылочки и письма. А какие чудесные были те дни, когда они встретились в Берлине во время его последнего отпуска!

Зачем же она обманула сегодня своего друга?

Но все обошлось. Герберт, немного осунувшийся, но все такой же жизнерадостный, сорви-голова, как и прежде, Герберт просто-напросто поднял на смех «барышню-бургомистра». А когда она попросила его зайти на следующий день в правление для регистрации личности, Герберт по-военному щелкнул каблуком и отчеканил:

— Слушаюсь, господин фельдфебель!

Герберт был счастлив, что наконец очутился дома. Ему охотно предоставили возможность спокойно насладиться отдыхом. По вечерам в доме его брата собиралась молодежь — послушать рассказы Герберта. Только у «барышни-бургомистра» не было для этого времени. Это бесило Герберта. Однажды вечером он сам зашел к ней. Она послушала немного его рассказы, потом сказала:

— Ах, Герберт, позабудь наконец о войне. Подумай лучше о нашей работе здесь; ведь это тоже борьба, но борьба за дело, которое стоит, чтобы за него боролись!

— Слушаюсь, господин фельдфебель! — гаркнул Герберт и, схватив за руки, хотел обнять ее. Но она отстранила его.

— Ага, бургомистр больше не позволяет этого! — язвительно сказал Герберт.

— Все в свое время! — ответила Анна.— И только, если я позволю...

Герберт ушел, хлопнув дверью.

* * *

Со строительством школы нужно было спешить. До зимы она должна стоять под крышей. Герберт тоже был мобилизован на постройку. Но на работу он не пришел. Когда его

вызвали в правление и бургомистр спросила, почему не видно его на стройке, он ответил: во-первых, он должен окончить работы на своем поле, и, во-вторых, школа его отнюдь не интересует, тем более своих детей у него нет. Он не хочет быть ни штукатуром, ни каменщиком. В свободное время он лучше сходит в город и купит себе несколько бутылок красного вина.

Анна хотела сначала оштрафовать его, но потом передумала и лишь сказала: «Как хочешь». Потом она снова принялась писать что-то в своих бумагах, не обращая внимания на Герберта, словно он больше не существовал для нее.

Герберт был взбешен. Он обошел всех своих приятелей, подбивая их не допустить, чтобы какая-то «бабья юбка» командовала ими. Через пять дней на стройке не было ни одного мужчины.

Соседка Анны посоветовала ей устроить собрание общины, в которой женщины имели большинство, и после принятия решения передать дело выше, в уездное правление. Но Анна была против. Мужчины объявили им забастовку, ну что же, они, женщины, вполне могут справиться с ними своими собственными силами. Неужели же тридцать женщин, занятых на стройке, работая сверхурочно и с помощью молодых девчат, которых можно очень быстро выучить работать подручными, не обойдутся без них? Ведь женщины справлялись с куда более трудными задачами! Она говорила так горячо и убедительно, что воодушевила всех.

На следующий день больше пятидесяти женщин и девушек пришли на стройку. Работа кипела. Анна была немного знакома с профессией каменщика и показывала девчатам, как нужно готовить известковый раствор, как передавать кирпичи «цепочкой».

Мужчины, проходившие мимо, бросали насмешливые реплики. Однако они явно поскучнели, когда их жены не пришли в полдень домой и не приготовили для них обеда. Зато на стройке женщины соорудили плиту и сообща в большом котле сварили обед себе и детям. Теперь настала очередь женщин посмеиваться над своими мужьями, которые должны были сами заботиться о себе. Некоторые из мужей все-таки пришли на стройку и потребовали, чтобы их жены немедленно шли домой. Но пятьдесят женщин стояли наготове со своими лопаточками, и они вынуждены были отступить, так как не имели ни малейшего желания оказаться выпачканными глиной и стать мишенью для насмешек.

Эта позиционная война тянулась неделю, две недели... Стены быстро росли. Счастье, что леса были сделаны заранее. Анна уже начала подумывать, не просчиталась ли она. Кто будет устанавливать стропила и покрывать крышу? Что, если плотники и кровельщики станут на сторону забастовавших? Голова трещала от мыслей. Каждую свободную минуту Анна проводила на стройке. Из жарко натопленной комнаты в правлении она налегке в любую погоду мчалась на строительство школы. Свои канцелярские дела она должна была кончать поздно ночью.

Это было чересчур даже для ее здорового организма.

Однажды утром ее залихорадило. Ерунда! Анна пошла на стройку. Внезапно у нее закружилась голова. Ее зубы стучали от холода. Ее положили в постель с температурой 40 градусов. Врач нашел двустороннее воспаление легких. Анна была между жизнью и смертью. Но даже во время болезни она бредила новой школой. «...Школа так же важна, как и поле... Лучшее, самое лучшее для детей».

Женщины ухаживали за Анной, как за родной сестрой. День и ночь они дежурили у ее постели, сменяя друг друга. Однажды ночью перед входной дверью появились две бутылки красного вина. Записки не было. Нельзя было узнать, кто их оставил.

* * *

Анна выздоровела. Ей очень хотелось немедленно пойти на стройку. Но ее не пустили: женщины строго следовали предписаниям врача.

Однажды, это было солнечным зимним утром, ее вывели на воздух. Анна долго смотрела неподвижным взглядом на здание школы, потом взглянула вверх: здание было уже подведено под крышу, а на фронтоне его висел праздничный венок из еловых веток, перевязанных пестрыми лентами. На коньке крыши вместе с плотниками сидел и Герберт. А внизу стояли другие мужчины деревни и радостно улыбались своему бургомистру.

Вечером Анна сказала Герберту:

— Ты знаешь, что мне очень помогло во время болезни?

— Что?

— Красное вино.

Герберт посмотрел на нее и улыбнулся.

Перевел с немецкого
В. МОГУТИН.

Рисунки С. Прусова.

Рис и пули

Рассказ

Фернандо ОКАМПО

Публикуемый нами рассказ Фернандо Окампо взят из сборника рассказов прогрессивных филиппинских писателей, изданного в 1952 году в Маниле — столице республики.

Сурово, сдержанно повествует автор не только о тяжкой доле филиппинских трудящихся, но и о том, как они поднимаются на борьбу за свои права. И хотя эта борьба носит порою стихийный характер, народ Филиппин полон решимости добиться улучшения своей жизни.

Ранним утром Гура вышел из дому со старым джутовым мешком на плече. В прежние времена в этом мешке хранился рис для его семьи: для двух дочерей, маленького сына и жены Марты.

Теперь в мешке лежат три больших камня с острыми краями, которые он подобрал вечером недалеко от дома.

— Для чего тебе эти камни? — спросила Марта.

— Ремулло сказал, что каждый должен иметь в мешке по крайней мере три больших камня.

— Но что вы будете делать с ними?

— Я не знаю. Ремулло сказал, что с камнями мы скорее добудем пищу, а это все, о чем я забочусь. Он сказал, что мы не должны голодать. Мы имеем такое же право на жизнь, как все.

Марта умолкает, но потом не выдерживает:

— Ты уверен, что не будет беды?

— Откуда ей быть?

И, взвалив мешок с камнями на плечо, Гура выходит из дому. Дети, оборванные и истощенные, робко глядят ему вслед.

Гура быстро идет вдоль узкой улицы, на которой стоит его жалкий домишко. Вскоре он выходит на асфальтированную дорогу и догоняет своих односельчан. У каждого из них за плечами мешок с камнями.

Многие несут плакаты, на которых большими буквами написано: «Мы голодны! Дайте нам рис! Мы хотим жить!» Гура, увидев их, почувствовал себя почти счастливым: скоро, скоро его дочери Айна и Клара, его сын Тотой будут иметь вволю риса!

Он потирает свой острый, давно не бритый подбородок. «Следовало бы поесть чего-нибудь горячего перед уходом,— думает он.— Но ведь еды так мало, а надо было оставить детям и жене».

Гура ощущает тянущую боль в желудке — это от голода. Он глотает слюну и гонит от себя грустные мысли. Затем быстро догоняет остальных. Все вместе они идут на городскую площадь.

Когда Гура и его товарищи подходят к месту сбора, солнце уже почти в зените.

На площади стоит большая толпа. У каждого на плече мешок с камнями. Знамена и плакаты с большими красными буквами здесь и там реют над головами людей, окружающих трибуну. Гура и его товарищи растворяются среди сотен других.

Толпа гудит. Гул ее все нарастает. Кажется, будто бесконечные рои пчел летают над садом с красными цветами.

Кто-то наступает Гуре на босую ногу. Он грозно хмурится, но, обернувшись, видит, что обидчик смотрит на него извиняющимся взглядом.

«Он тоже хочет есть», — думает Гура, глядя на изможденное лицо человека и вспоминая собственный голод. Боль в желудке ощущается с новой силой. «Голод, вечный голод,— думает он. — Ах, если бы нашлась папироса!» Гуре хочется, чтобы ктонибудь закурил около него. Он бы решился и выпросил хотя одну затяжку.

— Скорей бы начинали,— говорит кто-то рядом.

Гура тоже считает, что давно пора начать. Он все еще мечтает о папиросе, когда вдруг со всех сторон начинает нарастать гул. Толпа подается ближе к трибуне.

На трибуне появляется человек в черной рубашке лесоруба. Его приветствуют громким криком: «Да здравствует Ремулло!» Люди размахивают плакатами и знаменами, и человек в ответ кланяется и отвечает: «Да здравствует народ!»

Выступая, Ремулло часто вытирает лицо ярким платком, иногда взмахивает руками, иногда неожиданно прерывает свою речь.

Толпа так велика, что до Гуры долетают лишь отдельные слова.

— Мы должны есть!

— Нам нужен рис!

— Мы возьмем его! — слышит он.

Полный энтузиазма, Гура приветственно кричит вместе со всеми. По мере того как его возбуждение растет, Гура забывает о своем голоде. Он вспотел, ему жарко, но он чувствует себя сильным и смелым.

Оратор покидает трибуну, и люди с мешками, набитыми камнями, с плакатами, на которых горят слова правды, шумно следуют за ним по дороге.

Армия разутых и голодных, обжигая босые ноги о горячий асфальт, приближается к складам риса, принадлежащим крупным торговцам.

Гура, забыв обо всем, расталкивает толпу и вырывается вперед, как

Рисунки А. Лурье.

олень, почуявший воду. Вот он уже может разглядеть крепкую фигуру Ремулло, шагающего впереди всех.

За несколько метров до первого склада, большого каменного здания, Ремулло останавливается. И тогда толпа тоже застывает. Гура получает возможность протолкнуться вперед. Ему хочется знать, чем вызвана остановка.

Вырвавшись в первый ряд, он видит: у дверей склада стоят полицейские. Они кажутся огромными в военной форме, в шлемах, с ружьями наготове.

— Вам лучше разойтись,— говорит один из них.— Вы идете против закона.

Закона? Какого закона? Гуре хочется многое крикнуть ему. Он хочет сказать о голодных детях, ждущих его дома, о непрекращающейся боли в желудке, но слова застревают у него в горле.

— Разойдитесь по домам! — упрямо повторяет полицейский.

— Мы не хотим кровопролития,— отвечает Ремулло. — Мы пришли взять лишь немного риса для наших детей.

Полицейский выступает вперед и угрожающе взводит курок. Но кто-то бросает в него камень. За ним летят еще и еще. Целый град камней. Стена людей медленно, но неуклонно наступает на полицию.

Гура тоже опускает руку в мешок за камнем и вместе с другими бросает его в полицейских. Он слышит выстрелы, но не обращает на них внимания; одним из первых он добирается до дверей склада. При виде огромного количества риса Гура задыхается. Он растерян, этот бедняк. Потом горсть за горстью сыплет рис себе в мешок.

Неожиданно снова раздаются выстрелы.

— Опять полиция! — слышит он громкий крик.

Гура завязывает мешок, взваливает его на спину и медленно идет к дверям. За ним тянутся остальные. Но появившийся в дверях полицейский направляет на него ружье.

— Назад! — кричит он.— Высыпать рис!

Кто-то ударяет его чем-то тяжелым, и Гура падает. Люди с мешками устремляются к выходу, но натыкаются на новую цепь вооруженных полицейских.

Гура поднимается и ударяет мешком ближайшего к нему полицейского. Но в этот миг ему кажется, что горящая стрела пронизала его тело. Он медленно опускается на мешок с рисом, смутно слыша шум и выстрелы вокруг.

С удивлением он видит, как белое зерно, вытекающее из мешка, становится красным.

— О нет, нет, — шепчет он, — вы не можете забрать у меня этот рис: дети ждут его.

Гура падает лицом в зерно, и к рукам его прилипают красные рисинки. «Теперь уж не будет голода, у нас есть рис»,— хочет он сказать. Но голос его кажется далеким и чуть слышным.

Перевод Э. БОРОВИКА
и В. МАХОТИНА.

Утро Китая

ЮАНЬ ЧЖАН-ДЗИН

Утренний ветер рассеял легкую дымку,
Леса пробудились, подернутые голубизной,
Облака в лазоревом небе кажутся золотыми,
Просыпаются горы вместе со всей страной.
Солнце с каждой минутой все выше, лучи все ярче,
И с каждой минутой все больше сияет земля красотой.
Время спешит, уходит, время себя не транжирит,
Но мы его обгоняем с невиданной быстротой!
Как я люблю прекрасное утро родины!
Все, что я вижу, совсем не волшебные сны —
Это то, что уже нашим народом пройдено,
И то, что делают ныне наши дочери и сыны.
Вчера это место сырело болотом смрадным,
А ныне — подъемные краны, строительные леса...
Земля возрождается к жизни в своем убранстве нарядном —
Цемент, стальные каркасы, новые корпуса.
Здесь в прошлом чернел ручей, сюда не шли к водопою,
А ныне машины сосут нефтеносный клад.
И черная кровь земли, человеком взятая с бою,
По трубам от бухты к бухте потекла, потекла, потекла...
Старые города разглаживают морщины,
А новые — в колыбели, в бетоне и в чертежах.
По горам и лесам геологов мчатся машины,
Как дикие кони в бескрайних монгольских степях.
Каждый день утро родины я встречаю,
Каждый день все прекрасней земли дары.
Солнце тихо и ласково в школьные окна влетает
И нежно целует учебники детворы.
Утренний ветер несет аромат весенний
И девушке-трактористке игриво треплет платок.
Я вижу своими глазами, вижу в любое мгновенье,
Как поднялся для жизни, как заалел Восток.
Каждый день на рассвете я слышу часов биенье.
В них — спокойствие, мир, музыка, труд, цветы.
Бьют часы на рассвете, и, значит, спокойно в селеньях,
На морях и на реках, в лесах и на склонах крутых.
Я слышу дружбы слова каждый день на рассвете:
Москва и Пекин,
Свобода и Мир,
Правда и Слава!
Нет, не найдешь на свете тверже этого сплава!
Утро великой родины славлю строкой поэта.
Я вижу Мао Цзэ-дуна. Слава его труду!
Вот он стоит с улыбкой, купаясь в лучах рассвета;
Утром великой родины любуется Мао Цзэ-дун.
Величественные строки Конституции мудрой
С Мао Цзэ-дуном вместе завоевал народ.
В сегодняшнем дне мы видим наше грядущее утро,
Встающий над всем Китаем прекрасный солнца восход!

Перевел с китайского Л. ЧЕРКАССКИЙ.

Дождь

Рассказ

А. ИВАНОВ

ДОЖДЬ лил вторые сутки. Косые струи бешено хлестали по жидкой грязи дороги, по красной жестяной крыше библиотеки, разбивались об оконные стекла. Даже воздух стал таким густым и тяжелым, что трудно было дышать.

Женя уже целый час стояла у окна. Рядом, на столике, лежала небольшая стопка книг и газет, завернутая в прозрачный целлофан и крепко перевязанная шпагатом. И книги и газеты ей нужно было отнести во вторую полеводческую бригаду, где их уже давно ждут. А как нести в такую погоду? Как перейти Сухие овраги? Женя нахмурила брови, отчего лицо ее приобрело детски беспомощное выражение. Тоже придумали название — Сухие овраги! Девушка закрыла глаза. И тотчас же ей представилось, как по оврагу с диким ревом несутся потоки мутной дождевой воды. По дну его, наверное, катятся камни. В прошлом году вот в такой же дождь в овраг забрел теленок кузнеца Домакова, гришиного отца. Потом теленка нашли мертвым далеко за деревней.

А книги и газеты нужно было все же доставить в бригаду. Это обязанность книгоноши. Правда, не такая уж серьезная и важная, как у Гриши... Что ж, всему свое время. И пусть Гриша не смеется. На следующий год она поедет в техникум, а потом...

Что будет потом, Женя пока не знала и принялась чертить пальцем по запотевшему стеклу.

А Гриша какой-то странный, неразговорчивый... Девчонки говорят, что таких не любят. Ну и пусть! А вот она, Женя, могла бы полюбить Гришу. «Только он и не смотрит на меня»,— огорченно подумала девушка и подошла к столу. Из верхнего ящика она достала книгу, в которой был заложен вырезанный из газеты портрет Григория Домакова, и долго не спускала с него глаз.

А дождь не переставал. Он с прежней силой ударял по оконным стеклам, по крыше. Временами оглушительно и внезапно гремел гром; тогда железо на крыше библиотеки звенело и Жене становилось страшно. А идти нужно. Пусть Гриша не думает, что она боится.

Как он удивится, когда увидит ее! Женя накинула на себя голубенький плащ, подаренный в прошлом году воспитательницей Марьей Ивановной, когда Женя покидала детский дом, взяла сверток с книгами и газетами, прижала его к груди и вышла на улицу. Идти было трудно: ноги вязли и разъезжались в грязи. Скоро она почувствовала, что ее старенькие, еще детдомовские боты пропускают воду. Хорошо бы, конечно, купить новые, но Женя приберегала деньги: пригодятся во время учебы.

Женя старалась не думать ни о дожде, ни о дырявых ботах, ни о том, что идти все труднее и труднее. Подружки из детдома советовали в трудную минуту думать о чем-нибудь хорошем и приятном. А о чем думать ей? О Грише?..

«Вот скоро уеду учиться в библиотечный техникум и буду писать ему каждый день письма. Только они не нужны ему будут, наверно. А я все равно буду отправлять письма каждый день! Пусть не отвечает! Или нет, не буду отправлять, а потом, когда вернусь, отдам все сразу! Вот тогда и узнает, что я о нем думала каждый день... А его портрет возьму с собой».

Дождь налетал теперь порывами, бил в лицо. А тут еще плащ стал промокать. Но Женя не замечала этого. Размечтавшись, она шла и шла, прижимая к груди сверток обеими руками.

Так же, с бьющимся от радости сердцем, спешила она в бригаду в тот день, когда в газете был напечатан портрет Гриши. И, едва добежав, закричала:

— Гриша, поздравляю!.. Вот...— и протянула ему газету.

Он, немного растерянный, стоял среди возбужденных, вырывавших из рук друг друга газету колхозников. Гриша газету не взял, только как-то растерянно и немного смущенно посмотрел на Женю. И Женя вдруг тоже смутилась, не зная, куда деть зажатую в руке газету.

Но это продолжалось мгновение. Потом он опустил глаза, а когда снова посмотрел на Женю, они были такие же спокойные и холодные, как всегда.

— Да ты хоть посмотри, посмотри на себя в газете! — зашумели колхозники, обступая тракториста.

— Небось, душа на седьмом небе от радости!

— А как же не радоваться? Без малого на четверть газеты нарисовали!

— На всю область прославился, Гришуха...

Григорий Домаков, стоя в толпе, мял в руках замасленную кепку и краснел.

— Слава, слава... Не надо мне никакой славы...— тихо проговорил Григорий и, круто повернувшись, пошел в поле, к трактору.

На стане сразу стало тихо. Все смотрели ему вслед и молчали.

— Н-да, характер! А молодец Гришуха!

...Женя жила в отдельной комнате при библиотеке. Вечером кто-то постучал в окно. Женя привыкла к этому: ее часто так вызывали подруги. Она вышла во двор и не поверила: перед ней стоял Гриша.

— Ты, Женя, извини. Я на минутку, прямо из бригады... У тебя есть эта газета?

— Есть,— прошептала Женя.

— Дай мне одну, если можно... Понимаешь, растерялся я как-то там... Все смотрят, будто я чудо какое совершил!

Женя сбегала в библиотеку.

— Вот, Гриша, возьми...

— Спасибо. Теперь пойду. С рассвета целину — знаешь, что за Сухими оврагами — начинаю.

Женя не заметила, как они вместе вышли со двора и очутились в поле. Опомнилась, когда он сказал:

— Вон как далеко ушли от деревни, не видать почти. А ты не думай, что это мне газета нужна. Батя просил...

Он не договорил, круто повернулся и, как давеча на стане, неловко пошел по краю оврага и скоро скрылся в темноте.

Это была ее единственная прогулка с ним. Сейчас, ступая по скользкой, как мыло, дороге, Женя вспоминала каждую подробность этой встречи.

У Сухого оврага Женя в нерешительности остановилась. Там, внизу, мутная вода с ревом подмывала берега, уносила с собой целые глыбы глины. Фигура девушки, облепленная мокрым плащом, казалась на краю оврага маленькой и беспомощной.

Но здесь Жене не было уже так страшно, как там, в библиотеке. Смотря под ноги, чтобы не упасть, она начала спускаться на дно оврага. «Найду узкое место и переброшу книжки, а сама пойду вброд»,— соображала она на ходу.

Но ни перебрасывать книжки, ни переходить вброд через овраг ей не пришлось. Она услышала голос:

— Сюда иди, тут мельче.

У самой воды стоял человек и тыкал шестом в воду.

— Гриша!.. Ты?..

— Ну я, чего испугалась? Держи крепче книжки!

И не успела она опомниться, как он обхватил ее сильной рукой за талию, поднял в воздух и шагнул в воду.

— Ноги подожми, замочишь,— услышала она и безропотно выполнила приказание.

Григорий шел медленно, опираясь свободной рукой на шест.

Женя опомнилась только на другом берегу. Григорий сидел на мокром камне и выливал из сапога воду.

— Мне казалось, ты упадешь. Тяжело ведь...

— Ну да что я, в первый раз?

— А почему ты здесь?.. Ждал меня?

— Вот еще, выдумаешь! Трактор у меня здесь недалеко. Смотрю: человек. Думаю: не перейдет через овраг в такую погоду, помочь надо. А это ты оказалась...

Григорий говорил как-то сбивчиво и не смотрел в глаза. Шест валялся рядом на траве, и Женя вдруг вспомнила, где видела такие шесты.

— Шест-то из бригады. Они возле скирд лежат.

— Ну и что с того? — вдруг посуровел Григорий. — Мало таких шестов, что ли? Иди, а мне еще в одно место надо поспеть... — И он пошел по полю, не оглядываясь и ускоряя шаг.

...В бригаде Женю встретили весело и шумно. Едва она переступила порог, как ее окружили колхозники, засуетились, стали помогать раздеваться. В углу уже кто-то развязал сверток, в руках зашуршали газеты.

— Ай, Женя, молодец! А то мы совсем заскучали,— похвалил бригадир Илья Петрович.

Женя стояла посреди комнаты, и вода ручьями стекала с нее на пол.

Из кухни вышла бабушка Дарья, повариха, и всплеснула руками:

— Батюшки! Да как же ты, доченька, в такую погоду к нам добралась? Через овраги-то как?

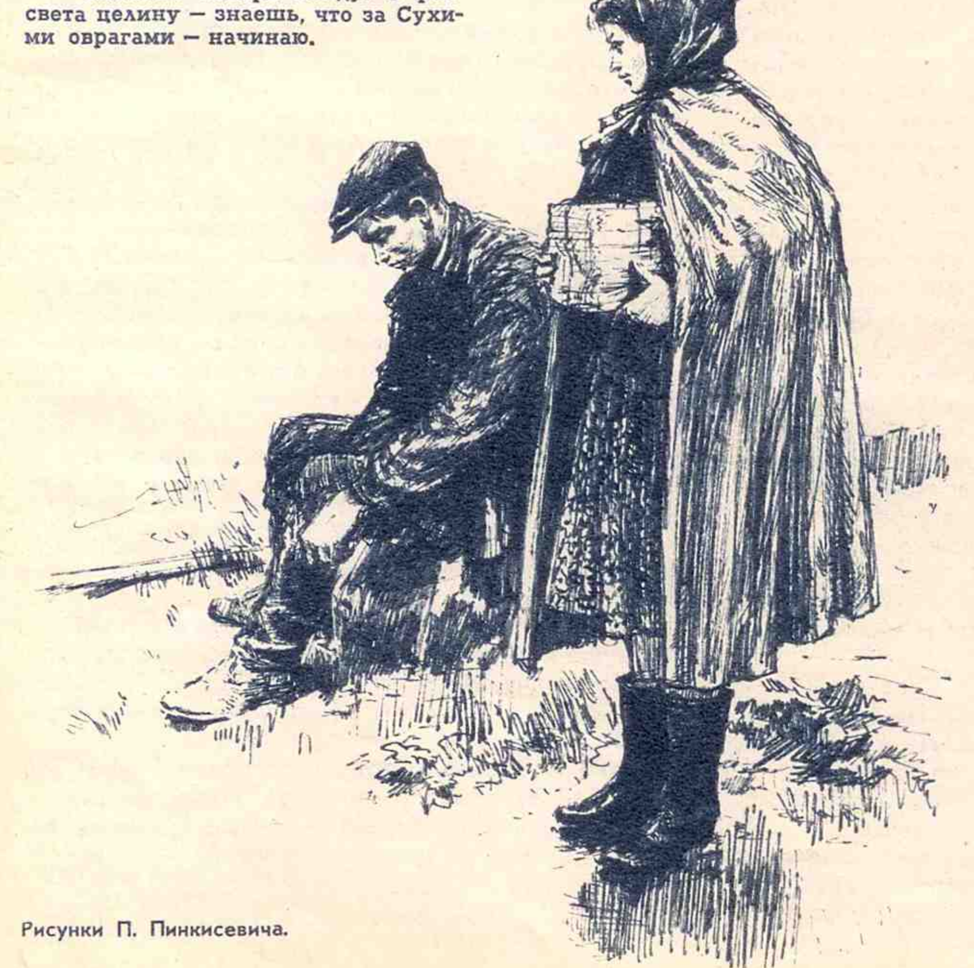
— Что ж, значит, сумела перейти и овраги,— как-то хитро улыбнулся Илья Петрович и посмотрел в окно.

Женя невольно посмотрела туда же: за мутной пеленой дождя в окне виднелся край почерневшей соломенной скирды, обставленной недавно выструганными шестами. Они стояли ровным веером, на одинаковом расстоянии друг от друга.

Только с правой стороны был большой просвет: один шест кто-то взял. Женя испуганно взглянула на бригадира, но Илья Петрович ничего не сказал и стал читать газету.

Вскоре Женя переоделась в чье-то сухое платье. Бабушка Дарья напоила ее горячим чаем и уложила на кухне. Женя сразу же согрелась, но уснуть долго не могла. Из головы никак не выходила одна и та же радостная мысль: «Значит, он ждал меня. Под дождем. Специально пришел встречать!»

Дождь за стеной все шумел и шумел. Но теперь ей было приятно слушать этот убаюкивающий шум и, засыпая, думать, что она все-таки будет отсылать Грише из техникума все письма.

Рисунки П. Пинкисевича.

НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

М. ЗАЕЦ,
звеньевая колхоза имени Сталина

МОЕ звено давно считается в колхозе передовым. Но когда вызвали меня в правление и сказали, что мы завоевали право на участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, я растерялась.

— Да заслужили ли мы?

А секретарь нашей партийной организации Яков Никифорович Гошко протянул мне лист бумаги с какими-то подсчетами и говорит:

— А как же не заслужили, Мария Васильевна! Вот гляди: за пять лет ваше звено дало стране свыше одиннадцати тысяч пудов сахара.

У меня даже дух захватило от такой цифры: ведь все свои подсчеты мы всегда вели только на свеклу и никогда не представляли себе, сколько из нее будет сахара...

Прибежала я в звено, рассказываю женщинам.

— Ну,— говорят они,— надо еще больше стараться.

Впервые посеяли мы свеклу в 1949 году. Правда, собрали не очень большой урожай. И дался он нам трудно. Но когда стали развозить по домам заработанный сахар — а в моем звене его получили кто полтора, кто два центнера,— все поняли, какая это выгодная культура. Тут уж все заинтересовались свеклой, стали заботиться и о семенах и об удобрениях. Стали изучать опыт Героев Социалистического Труда Агриппины Пармузиной, Марии Геты, Теклы Швидкой, Степаниды Виштак. Только о свекле и было разговоров. С каждым годом работали мы все лучше и лучше. И по пятьсот центнеров и больше с гектара собирали.

С тех пор втянулась я и в общественную работу. Раз — другой на собрании выступила. А женщины у нас, знаете, какие? Ты, мол, Мария, сумеешь добиться, чего надо,— иди в правление! Потом в сельский Совет избрали, потом в областной. Конечно, хлопот прибавилось. Отработаешь свое на делянке, идешь на фермы проверить, как ухаживают за скотом и за птицей.

Мой муж Михаил только улыбается. «Никогда,— говорит,— не предполагал, что в тебе жилка такая есть, хозяйственная!»

— Мало ли чего,— отвечаю,— до Советской власти вы, мужчины, не предполагали... Не предполагали даже, что женщина — человек. Да и сам-то,— говорю,— давно ли узнал настоящую жизнь?

Мы ведь до войны жили в Польше, а польские паны крестьян вообще за людей не считали.

Помню, переселялись мы с Михаилом, извечные панские батраки, сюда из Красненского повята, так весь скарб, нажитый за всю нашу жизнь, вместился в заплечные сумы. За душою ни гроша. Шли с надеждой на народную, Советскую власть. И эта надежда оправдалась...

Есть у нас теперь собственный дом, его помог нам построить колхоз; в сарае корова и телка, каждый год колем по два кабана, имеем до полсотни кур, уток. На приусадебном участке садик разбили, огород хороший. Ежегодно мы с Михаилом получаем на трудодни двадцать—двадцать пять центнеров пшеницы, два с половиною, а то и больше центнеров сахара, да еще картофель, да деньгами немало. Старший мой сын, Василько, окончил десятилетку, а младший, Ивась, перешел в восьмой класс.

И думы и мысли наши теперь широкие, как те поля, что принадлежат нам, трудовым людям.

Нынешней весной отстало в работе звено Ганны Пруской. Не прорвали свеклу, она стала блекнуть. Секретарь партийной организации и председатель колхоза Петр Прокофьевич Ревенко пришли к нам и говорят: так, мол, и так, передовики. Нельзя ли подтянуть отстающих?

Переглянулись мы с нашими женщинами: как быть? Уж помогали мы этому звену. Конечно, пойти помочь еще раз не тяжело. Да толку от этого будет мало. Надо, чтобы отстающие поняли свою ошибку и сами подтянулись. Собрались мы вечерком, посоветовались.

На следующее утро созвали всех женщин из бригады и идем на плантацию Ганны. Настроение у всех, надо сказать, неважное. Ни смеху, ни песен: ведь каждая отрывается от своей работы. Девчата Ганны Пруской увидели нас издалека. Глядят, дивятся: что за поход такой?!

— Ой, мамка моя родная! — удивилась Ганна, когда мы завернули на ее участок.— Да ведь это к нам идут!..

Старейшая из свекловичниц Варвара Игнатьевна Бабьяк подошла к ним первой, здоровается:

— Здравствуй, Ганна! Здравствуйте, девчата! Вот пришли вам помочь. Принимайте. Не должна же свекла пропасть. Ваш урожай стране нужен!..

И не успели ганнины девчата словом обмолвиться, мы уж разошлись по ее пятигектарному участку, только сапки блестят на солнце, да кучи бурьяна на межниках растут. Отсталое звено оказалось будто в окружении. Ганна склонилась над сапкой и головы не поднимает. Молчат и ее девчата, не знают, куда глаза девать.

А тут мимо плантации шел тракторист Генрих Бобак. Увидел такое скопище, остановился, спрашивает встревоженно:

— Эй, бабы, что случилось? Иль долгоносики?

Мне уже и жалко стало Ганну: гляжу, она всхлипнула. Но молчу. Не в одной Ганне дело. Пусть ее девчат совесть помучит. Перемучаются — лучше работать будут.

Так оно и вышло. Через несколько дней на покосе Ганна отозвала меня за копну, поблагодарила. Ее девчата работают — лучше и желать не надо!

Самборский район,
Дрогобычская область, УССР.

ПО РЕКЕ ОКЕ. **А. Е. Архипов.**

Государственная Третьяковская галерея.

Картина «По реке Оке» написана в 1890 году выдающимся русским художником А. Е. Архиповым (1862—1930).

Сын крестьянина, А. Е. Архипов хорошо знал и правдиво изображал тяжелую жизнь народа в царской России (картины «Прачки», «Поденщицы на чугунолитейном заводе» и др.).

А. Е. Архипов, так же как и его учителя — передовые художники-передвижники, стремился наряду с разоблачением мрачных сторон действительности показать в своих произведениях силу и высокие душевные качества русских крестьян.

С глубокой любовью воспевал художник красоту русской природы («Лед прошел», «По реке Оке» и др.). После Великой Октябрьской социалистической революции А. Е. Архипов создал яркие, жизнерадостные картины, показывающие жизнь освобожденного от помещичьей и кулацкой кабалы крестьянина («Молодуха», «Мальчик-пастух» и др.).

За заслуги в развитии советской живописи А. Е. Архипову в 1927 году было присвоено почетное звание народного художника РСФСР.

Казахский танец в исполнении Нели Нефедовой и Коли Михайлова, участников художественной самодеятельности Дома пионеров города Курска.

Цветное фото А. Моклецова.

Воспитание воли у детей

А. В. ВЕДЕНОВ,
кандидат педагогических наук

Фото А. Шишкина.

В произведении Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома» герой повести — ученик четвертого класса — ежедневно обещал, что он только немного поиграет с мальчиками в футбол, а затем будет учить уроки, и, однако, каждый раз приходил домой тогда, когда надо было ужинать и ложиться спать. На уроки времени не оставалось.

Можно ли назвать Витю обманщиком, врунишкой? Нет, конечно. Витя давал обещание с искренним намерением выполнить его, но сдержать свое слово он просто не в состоянии, потому что у него недостаточно развита воля. Он так же, как и многие мальчики и девочки его возраста, часто еще не может сам оторваться от веселой игры, интересного занятия.

Приведу другой пример. Коле — семилетнему мальчику — поручено купить в сельмаге соли. Гордясь таким серьезным поручением, мальчик идет к магазину, в кулаке у него зажата монета, которую он отдаст продавцу. Но навстречу ему движется колонна физкультурников с оркестром — редкое явление на этой улице. Коля останавливается и, не замечая, как монета выпадает из его руки, идет за оркестром.

Дети, не только дошкольники, но и младшие школьники, еще очень импульсивны, то есть их поведение определяется не их намерениями, не поставленной перед ними целью, а сложившейся обстановкой, случайными обстоятельствами.

Многие родители полагают, что воля, то есть способность осуществлять свои намерения, появляется у ребенка сама собой, когда он становится старше. К сожалению, это не так. И среди взрослых встречаются слабовольные люди, поведение которых зависит от совершенно случайных причин. Намерения у них могут быть самые прекрасные, но они далеко не всегда выполняются.

Конечно, все родители хотели бы, чтобы их дети вырастали людьми волевыми, энергичными, деятельными, способными настойчиво стремиться к поставленной цели, преодолевать препятствия.

Такие качества появляются у человека только в результате правильного воспитания.

Первое и обязательное условие правильного воспитания — это организация самостоятельной деятельности ребенка.

Как можно раньше нужно научить ребенка одеваться и раздеваться, самого есть, убирать за собой игрушки. Те матери, которые делают за ребенка то, что он может сделать сам, совершают грубейшую ошибку. Они задерживают развитие многих его способностей, в том числе и воли.

В многодетных семьях младшие дети многому учатся, подражая старшим. В семье, где ребенок один или между детьми большая разница в возрасте, малыша необходимо приучать к самообслуживанию и умению самостоятельно играть. Это очень важно для развития его волевых качеств: он учится владеть предметами, вещами, учится подчинять их себе. Чулок уже легко натягивается на ногу, тогда как раньше пятка почему-то всегда оказывалась наверху, кубики не разваливаются, карандаш рисует, иголка шьет, а не колет до крови руки.

Приучая детей к самообслуживанию, к самостоятельной игре, мы воспитываем у них способность действовать целесообразно. Этим детям не трудно будет приучиться и к школьному труду.

Поступление в школу — очень важное событие в жизни каждого ребенка. Школьная обстановка настолько нова и непривычна для малыша, что даже подготовленные к школе дети на некоторое время теряют уверенность в себе. Они хотели бы всю свою работу, все задания учителя выполнять под руководством взрослых. Но этого допускать нельзя.

Вот, например, первокласснику задано выучить стихи. Он был бы рад, если бы мать или отец учили эти стихи вместе с ним, как это они делали, когда он был дошкольником. Однако нельзя уступать его желанию. Надо добиться, чтобы ребенок учил стихи один.

Многие родители правильно делают, ежедневно проверяя, как маленький школьник выучил уроки.

Но надо, чтоб он умел и сам проверить себя, убедиться в том, что хорошо все знает. Можно и нужно проверять сумку школьника перед тем, как отправить его в школу, но важно, чтобы предварительно он собрал ее сам.

Никогда не следует делать за ребенка то, что он может выполнить без посторонней помощи, наоборот, нужно во всем, где только возможно, приучать его к самостоятельности. Это — первое условие развития и воспитания воли.

Второе важнейшее условие заключается в том, чтобы приучать ребенка соблюдать правила общественного поведения, слушаться взрослых.

С младшего возраста ребенок должен знать слово «нельзя» и подчиняться ему. Достигнуть этого можно только при условии, если воспитатели будут всегда тверды и настойчивы в своих требованиях.

Сначала надо серьезно продумать, какие именно требования вы считаете нужным предъявить ребенку, и затем уже неуклонно добиваться их выполнения. Требовать от ребенка — это, конечно, не значит кричать на него, грозить ему, но недопустимо и уговаривать или упрашивать: «Ну, пожалуйста, сыночек, выпей молочко, мама тебя очень-очень просит». Нужно спокойно и твердо, изо дня в день предъявлять определенные требования, и ребенок привыкнет им подчиняться.

Если малыш капризничает, упрямится, это значит, его не только не приучили безоговорочно выполнять распоряжения взрослых, а, наоборот, он привык к тому, что взрослые подчиняются его желаниям, боясь его крика и плача.

Почему совершенно здоровый, нормальный ребенок стал капризничать?

Случалось, что родители предъявляли ему непродуманные, невыполнимые требования и тут же были вынуждены отменять их; бывало и так: родители сделают какое-нибудь распоряжение, а потом забудут о нем, не проверят, выполнено ли оно, или, еще хуже, сами нарушат свое требование. И вот малыш привыкает к тому, что приказание взрослых выполнять не обязательно.

Дети не родятся упрямыми, капризными и непослушными — такими их делает плохое воспитание. Родители должны помнить, что их ребенок встретится с большими трудностями в школьном коллективе, если он до школы не привыкнет подчиняться требованиям взрослых. Ему и дальше в жизни будет нелегко, если родители не приучат его к самодисциплине, к умению управлять собой, своим поведением.

Круг требований, который предъявляется ребенку, зависит от его возраста. Но от каждого дошкольника нужно требовать соблюдения режима дня, быть вежливым, аккуратным.

Наличие обязанностей — это третье и, пожалуй, самое важное условие воспитания воли.

Выполняя обязанности, ребенок привыкает быть полезным окружающим его людям. Если не приучать его к этому, он станет эгоистом, который заботится только о себе.

Никогда не поздно исправить ошибки воспитания и приучить ребенка заботиться о других. Но, конечно, если ребенок подрос, добиться этого будет нелегко. Придется ломать укоренившиеся у него дурные привычки, а это потребует от родителей большой выдержки, твердости и настойчивости.

Поэтому надо детям сызмала внушать мысль, что они должны вместе со взрослыми участвовать в труде. Вот, например, четырехлетний малыш идет с матерью из магазина. Он только держится за сумку, в которой та несет покупки, но ему кажется, что он помогает маме нести тяжелую сумку. Когда ребенок подрастет, ему надо давать поручения, которые он будет выполнять самостоятельно. Раньше он мыл посуду вместе с мамой, теперь моет один. А еще позже у ребенка появляются постоянные обязанности. И родители непременно должны следить, чтобы свое дело он выполнял аккуратно, в точно указанное время.

Конечно, обязанности дошкольника предельно просты и немногочисленны, но они становятся значительным ежедневным событием в его жизни.

Ребенок должен знать, что все люди имеют свои обязанности, что все вещи созданы трудом людей, что люди взаимно помогают друг другу. И родителям следует всячески отмечать ту пользу, которую приносит своим трудом малыш, оказывая какую-нибудь услугу маме, папе, бабушке, сестре.

Наличие обязанностей формирует нравственный облик ребенка и вместе с тем укрепляет его волю, так как он приучается делать важное и нужное дело даже тогда, когда ему хочется заняться чем-либо другим. Хорошо выполняя поручения родителей, дошкольник заранее готовится к предстоящему школьному труду.

Надо следить за тем, чтобы обязанности ребенка были ему под силу. Нельзя, например, рассчитывать, что маленький школьник сам сможет следить за своим распорядком дня. Это он сделать не в состоянии. За его режимом следят старшие. В любом деле, если ребенок испытывает затруднение, надо помочь ему. Придти на помощь ребенку нужно прежде всего для того, чтобы научить его справляться с трудностями, а также и для того, чтобы подчеркнуть важность порученного ему дела: «Раз ты не можешь справиться один, я тебе помогу, потому что это дело нельзя бросать незаконченным, его обязательно надо выполнить».

А когда работа сделана, и сделана успешно — пусть и совместными усилиями,— ребенок получает заслуженное моральное удовлетворение. И к новому самостоятельному заданию он теперь приступит с большей охотой, с большей готовностью довести дело до конца.

Эти три условия: самостоятельность, умение подчиняться и выполнение обязанностей — являются важнейшими для развития у ребенка волевых качеств.

Воля будет развиваться у ребенка по мере усложнения его обязанностей, по мере того, как он приучится самостоятельно справляться со все более трудными заданиями, преодолевая различные затруднения, возникающие на его пути. И он будет расти энергичным, настойчивым человеком, станет деятельным, целеустремленным участником коммунистического строительства.

Индийские кинофильмы

„Ураган"

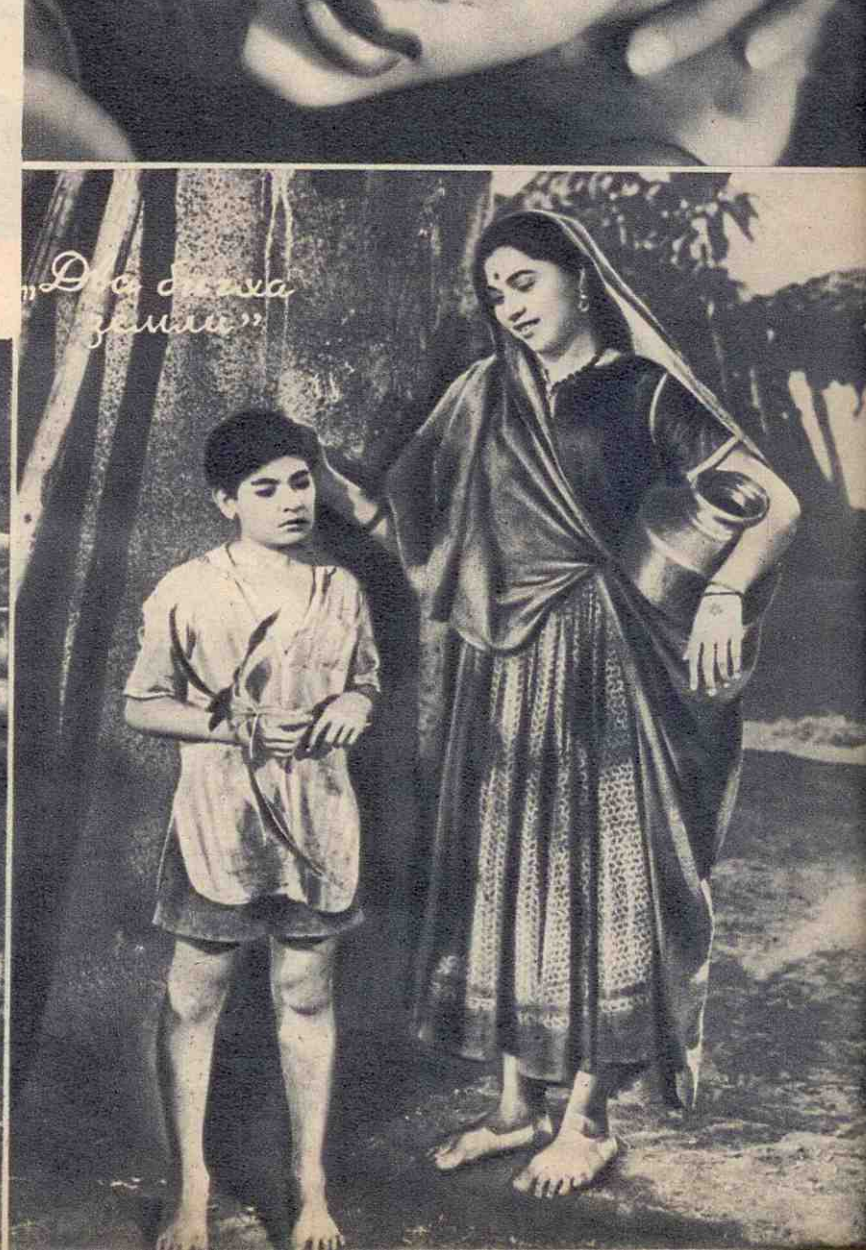
За последние годы кинематография Индии достигла больших успехов. Индийские режиссеры и артисты кино создали фильмы, раскрывающие перед народом правду жизни, бичующие пороки, оставшиеся в наследство от иностранного господства.

Такова картина Бимала Роя «Два бигха земли». Крестьянин-бедняк Шамбу Мето прилагает нечеловеческие усилия, чтобы спасти свои два бигха земли, понадобившиеся помещику для постройки фабрики. И все напрасно — он теряет свой единственный источник существования.

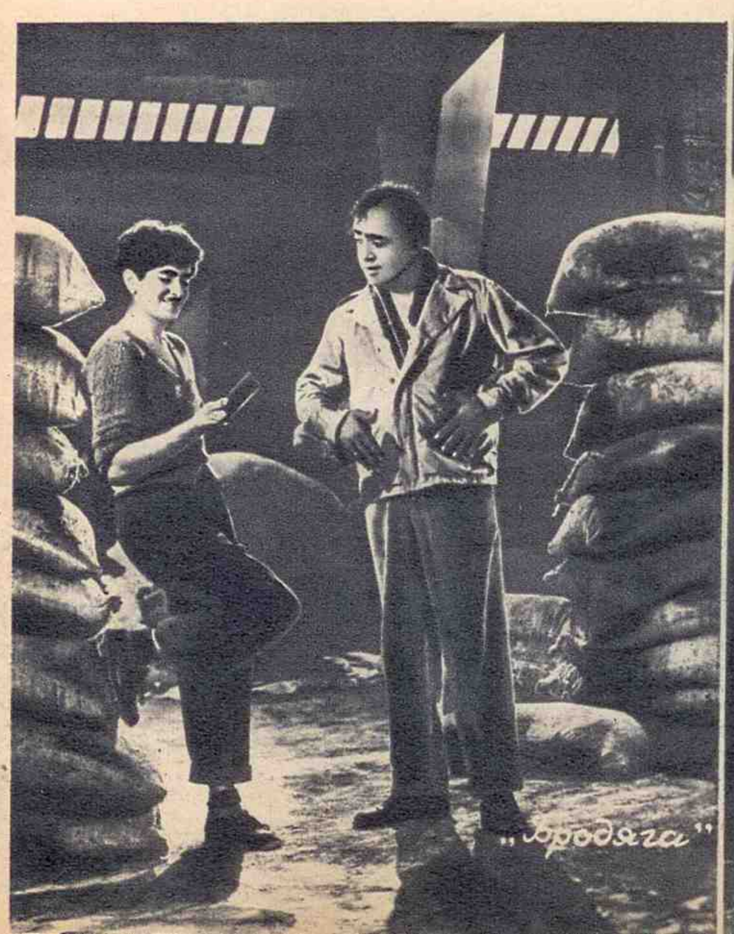
В фильме Четан Ананда «Ураган» рассказывается о бедствиях семьи, попавшей в сети ростовщика, показываются честные, полные благородства люди из народа.

В «Бродяге» Радж Капур показал еще сохранившиеся в Индии тяжелые условия, в которых живут тысячи детей и подростков.

Эти картины рассказали советскому народу о жизни дружественной нам Индии. Мы узнали из них о стремлении честного, трудолюбивого индийского народа к счастью и справедливости.

„Два бигха земли"

„Бродяга"

На конвейере — рыба

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото О. Кнорринга.

Мы стоим на причале рыбозавода в эстонском приморском городе Пярну. Солнце уже высоко — девятый час утра. Скоро должны появиться колхозные моторные боты с рыбой: на заре рыбаки обошли в море невода и сейчас привезут сдавать улов рыбозаводу.

Вдали показались мотоботы.

— Идут! Идут! — разнеслось по причалу.

— С полным уловом,— замечает кто-то.— Видите, как низко сидят в воде лодки!

Боты подходят. Они действительно почти до краев наполнены серебристой, переливающейся на солнце рыбой.

— Здравствуйте! С уловом! — приветствуют рыбаков стоящие на причале рабочие завода.

— Спасибо на добром слове,— отвечают рыбаки и интересуются: — А как насосы? В исправности? Не задержите нас? Надо бы поскорее обратно в море.

Молчаливый механик причала не удостаивает ответом. Ну, конечно же, у него все в порядке.

— Становись под насосы! — командует он.

Четыре бота пришвартовываются к причалу. В каждый из них с берега спускают большой брезентовый рукав; из рукава сильной струей бьет вода. Она наполняет до краев лодку, и рыба, которая до того лежала плотной массой, всплывает, напоминая густо сваренную уху. Словно кухарка в кастрюле половником, рыбачки мешают веслами в лодке.

Насосы перестают накачивать воду и начинают ее всасывать через широкие рукава. Проходит 10—15 минут, и лодка уже пуста. А раньше рыбу черпали ведрами, корзинами, на руках выносили на берег.

Рыбаки, довольные тем, что так быстро разгрузились, снова уходят в море, а на заводе начинают переработку рыбы.

Территория рыбозавода «Пярну-Лива» огромна, но людей здесь мало: почти все работы выполняют механизмы.

Насос гонит рыбу на конвейер, и она идет с берега на завод сплошной серебристой лентой. На пути на нее сыплется из специальных ящиков — бункеров — соль. В конце конвейера рыба укладывается в бочки, и нехитрый процесс соления рыбы, превращения ее в селедку, почти закончен. Рыба полежит, пустит сок, образует рассол, и через короткое время ее можно будет продавать покупателям. Крепость засола зависит от количества соли, прибавляемой к рыбе. Для любителей пряных засолов работницы конвейера добавляют к соли перец, лавровый лист и другие специи.

Но вот бочки забиты, и их увозит механический погрузчик — автомобиль с подымающейся площадкой. Погрузчик подъедет к железнодорожному вагону, площадка поднимется до уровня вагонного пола, и бочки легко скатятся. Поезд умчит груз, пахнущий морем, рыбой и солью.

Из маленькой балтийской рыбешки — салаки — можно приготовить не только селедку, но и такие первоклассные консервы, как шпроты, сардины, кильки, можно законсервировать салаку в томате. С причалов рыбозавода, с его приемных пунктов большая часть улова в специальных, оборудованных холодильниками автомашинах направляется на консервный завод, который находится тут же, в Пярну.

Пройдем по цехам этого завода. Но прежде чем пропустить в цехи, на вас наденут полотняную шапочку и белый халат. Такая одежда обязательна для всех, переступающих порог предприятий пищевой промышленности Советского Союза, на которых поддерживается строжайшая чистота. А работницам, прежде чем они войдут в цех, тщательно осматривают руки и приводят в порядок ногти. Периодически всех работающих осматривает врач.

Укладчицы на конвейере наполняют банки рыбой.

Салаку, попавшую на консервный завод, сначала моют при помощи таких же примерно машин, какие применяются на механизированных колхозных кормокухнях для мойки корнеплодов. Вымытую салаку погружают минут на двадцать в соленый раствор. Потом начинается специальная обработка рыбы, в зависимости от того, какие консервы будут из нее изготовляться.

В коптильном цехе рыбу нанизывают на железные прутики — по десятку на прутик. За смену каждой работнице нужно нанизать около тысячи прутиков; чтобы выполнить норму, требуются ловкие руки. Но такие передовые работницы завода, как Мэри Метас или Сальме Казак, в два с половиной раза перевыполняют норму.

В коптильной печи горят только ольховые дрова: дым ольхи придает рыбе особенно приятный вкус и красивый, золотистый цвет. После нескольких часов горячего копчения при температуре дыма около ста градусов рыба готова к консервированию — ее можно укладывать в банки.

Жестяные банки изготовляются тут же, на консервном заводе. Их делают особые прессы-автоматы. Удар штампа по листу жести — и банка готова. А другой пресс штампует крышки. Как пулеметы, строчат прессы. Каждый из них за смену может отштамповать до 12 тысяч банок. Но рабочий Пярнуского завода регулировщик Д. Раймонд изобрел приспособление, которое позволило изготовлять по 20 тысяч банок на каждом прессе за смену.

Прокопченная салака направляется в консервный цех. По одной стороне этого цеха стоят работницы с большими ножницами в руках. Они производят операцию, которая называется «туалет копчушки». Работницы отрезают у рыбки голову и подрезают хвост.

Тут же, в цехе, разместились укладчицы. Возле каждой — весы. Конвейерная лента доставляет к укладчице рыбу и пустые банки. В каждую банку надо положить 180 граммов рыбы. Не больше, не меньше. Банка на весах, и укладчица быстро наполняет ее, следя, чтобы рыбки подбирались приблизительно одного размера. Конвейер переносит банки в другой конец цеха, где качество укладки проверяет контролер. Он же определяет и сорт.

Теперь банку нужно наполнить маслом. Оно делается из смеси очищенных масел — подсолнечного и горчичного. Чтобы в масле были убиты все микробы, оно нагревается до 160°. Масло залито, и банку можно закупорить. Это очень важная операция. Консервы могут сохраняться долгие годы, не портясь. Но если в банку проникнет воздух, с ним попадут микробы, бактерии и вызовут гниение рыбы. Поэтому банка должна быть закупорена герметически. Для этого между банкой и крышкой прокладывают резиновое кольцо, и потом станок-автомат «закатывает» банку — плотно обжимает крышку вокруг корпуса банки.

Консервы готовы? Нет еще! Ведь в рыбе, в масле, в банке еще имеются микробы и бактерии. Их надо убить, нужно сделать консервы стерильными, то есть абсолютно лишенными микробов.

— Этим занимаюсь я,— говорит работница завода Лейли Куль.— Моя профессия — автоклавщица: я загружаю бак с полутора тысячами банок в автоклав — чан, где поддерживается температура в 120°. За 75 минут, пока банки находятся в автоклаве, консервы должны стать совершенно стерильными.

Но стали ли они такими? Бактериолог Валентина Метс проверяет это в небольшой стеклянной кабине. Консервы проходят еще химическую проверку — этим занимается химик Елена Пярна. После проверок консервы могут идти в продажу.

Но шпроты и сардины, чтобы получить свой замечательный вкус, должны пролежать некоторое время в складе. Сардины — не менее шести месяцев. За это время масло пропитает копчушки, отдаст им букет своих запахов. И тогда, вскрыв коробку консервов, покупатель скажет:

— Какая вкусная рыба!

Ольге Паранько нравится ее работа — «туалет копчушки».

Автопогрузчик увозит бочки с засоленной рыбой на склад.

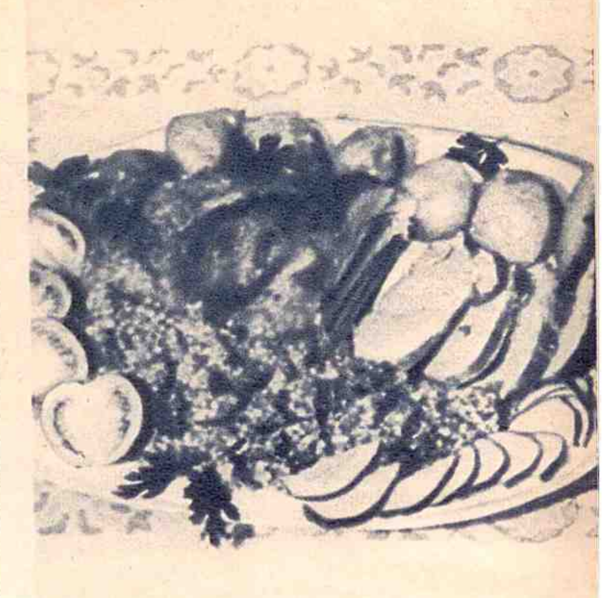

Платье из плотной ткани. Отрезной лиф с вытачками от талии. Воротник-шалька и край полочки лифа отделаны строчкой. Рукав втачной. Юбка двухшовная, слегка расклешенная книзу. Карманы прорезные.

Платье из шерстяной ткани. Полочки отрезного лифа выкроены вместе с полудлинным рукавом. Спереди застежка. Пуговицы обтянуты той же тканью. Карманы на лифе прорезные. Юбка четырехшовная с двумя складками спереди.

Блузка из легкой ткани. По линии талии — вытачки. Рукав втачной. Воротник-стойка спереди завязывается бантом.

Платье из кашемира. Полочки отрезного лифа спереди на кокетке. Рукав втачной. Юбка трехшовная с тремя складками спереди. Две боковые складки свободные, средняя — застроченная, односторонняя.

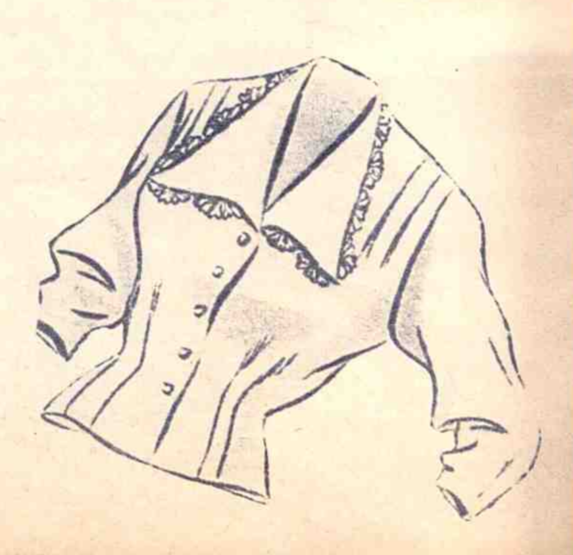
СЕЛЕДКА С ГАРНИРОМ

Сельдь замочить в воде на 2—3 часа, разрезать брюшко, удалить внутренности, сделать разрез по спине от головы до хвоста и снять кожицу, начиная с головы. Вынуть позвоночную кость, а реберные косточки срезать. Затем сельдь нарезать кусочками и положить на тарелку так, чтобы каждая половинка лежала как бы не разрезанная. Между двух половинок сельди поместить мелко нарезанный зеленый или рубленый репчатый лук, посыпать зеленью петрушки, по сторонам сельди разложить кучками мелко нарезанные вареные овощи: картофель, морковь, репу, а также вареные яйца. За этим гарниром поместить нарезанные огурцы. К готовой селедке приставить хвост и голову, а затем полить немного уксусом и маслом, по желанию смешанным с горчицей.

ВИНЕГРЕТ

На 4—5 штук вареного картофеля — 1 свеклу, 1 морковь, 2 соленых огурца, 1 свежее или моченое яблоко, 100 г квашеной капусты, 50 г зеленого лука, 2—3 столовые ложки растительного масла, ¼ стакана уксуса, 1 чайную ложку горчицы, сахар по вкусу.

Вареный картофель, яблоки, огурцы, морковь очистить, нарезать ломтиками, кубиками или соломкой, сложить в миску, прибавить квашеную шинкованную

Праздничный стол

капусту. Горчицу, соль, перец, сахар растереть с маслом и развести уксусом. Перед тем, как подать к столу, овощи смешать с приготовленным соусом, уложить в салатник, украсить ломтиками свеклы, посыпать зеленым луком и укропом. Можно украсить винегрет также свежими огурцами и помидорами. Винегрет получается более вкусным, если его заправить соусом майонез.

Винегрет с солеными грибами приготовляют точно так же, причем берут разные грибы — примерно 25 г на порцию.

РАССОЛЬНИК С ПОТРОХАМИ

Гусиные потроха, сельдерей 2 штуки, петрушки 2 штуки, лук репчатый 2 штуки, морковь 2 штуки, картофель 5 штук, огурцы соленые 5 штук, крупы перловой 75 г, масла топленого 5 г, или три ложки.

Очищенные потроха сварить до готовности с перловой крупой. Все овощи очистить, промыть, нарезать в виде соломки и прожарить с маслом, не доводя до желтого цвета. Картофель нарезать брусочками. Огурцы очистить от кожицы, разрезать косячками. Положить в бульон прожаренные овощи, нарезанный картофель, огурцы и крупу, варить до готовности, добавив по вкусу соли. Потроха вынуть, нарезать, положить в суп; при подаче рассольник заправить сметаной.

ГУЛЯШ ИЗ МЯСА

На 500 г мяса — 1 кг картофеля, 2 головки лука, 1 столовую ложку муки, 3 столовые ложки томата-пюре и столько же масла.

Мясо (огузок, оковалок, лопаточную часть) обмыть, нарезать кусочками в виде кубиков, посыпать солью, перцем и обжарить на сковороде с маслом. Затем добавить мелко нарубленный лук, мясо посыпать мукой, и все вместе слегка поджарить. Подготовленное мясо сложить в кастрюлю, залить 2—3 стаканами бульона или воды, добавить томат-пюре, 1—2 лавровых листика, накрыть крышкой и поставить тушить на 1—1,5 часа. Гуляш подать с жареным или отварным картофелем, посыпав мелко нарезанной зеленью петрушки или укропом.

ПИРОГ С ЯБЛОКАМИ

1 кг муки, масла 100 г, дрожжей 20 г, воды 2 стакана, соли 10 г, сахара 100 г, яиц 4 штуки.

Для начинки: яблок 600 г, сахара 200 г.

Взять два стакана теплой воды, положить в них дрожжи и размешать, всыпать половину просеянной муки, размешать, покрыть и поставить в теплое место для подъема. Когда опара подойдет, положить в нее растопленное масло, оставив немного на смазывание сковороды, три яйца, сахар, соль, размешать и всыпать остальную муку, оставив часть для разделки теста, хорошо вымешать и выбить тесто, дать ему подойти.

Яблоки нарезать ломтиками, пересыпать сахаром.

Когда тесто подойдет, взять ⅔ его и раскатать, придавая форму круга или прямоугольника, в зависимости от посуды, переложить на сковороду или противень, предварительно смазанные маслом, сверху поместить яблоки. Оставшееся тесто тонко раскатать, нарезать полоски приблизительно в 1 см ширины и положить на яблоки, чтобы получилась сетка, смазать яйцом и поставить печь. Выпекается 30—40 минут. Снимать со сковороды горячим.

Фото С. Яропольского.

Блузка из шелковой ткани. Полочки блузки выкраиваются вместе с отложным воротником. От плечевых швов отходят мягкие складочки. По линии талии застрочены вытачки. Рукав длинный, втачной. Воротник отделан кружевами.

Блузка из ткани в полоску. Втачной рукав с манжетой застегивается на пуговицы. Воротник, манжеты и планка на лифе выкраиваются из материала с поперечным расположением полос.

Двубортное полупальто, отделанное строчкой. От плечевых швов отходят вытачки. Рукава двухшовные с манжетами. Карманы прорезные, отстроченные по форме накладных.

Как пересадить дерево

Пересадку плодовых деревьев можно производить в любом возрасте. Дерево способно восстанавливать потерянные части как в кроне, так и в корневой системе. Но восстановление этих частей у молодого дерева происходит быстрее, чем у старого. Вот почему рекомендуется брать для пересадки деревья не старше 25 лет.

Пересаживать деревья можно в течение всего года. Весной пересадку всегда следует производить сразу же, как сойдет снег. Дерево, пересаженное весной, быстро залечивает раны и восстанавливает потерянные части. Опыты показали, что в средней зоне деревья, пересаженные весной, бывают более облиствены и плодоносят на год раньше. Летом пересадку следует начинать в первых числах июля, когда наступает одеревянение основания приростков. Осенью — с момента опадения листьев, а зимой — с наступлением морозов, но чтобы температура была не ниже 10—15 градусов.

Пересадка производится в основном двумя способами: с комом земли и с оголенными корнями. Когда дерево пересаживается с комом, корневая система сохраняется почти в нормальных условиях; на нее не так влияет иссушающее действие солнца и ветра, как при оголенных корнях, дерево быстрее приживается, раньше начинает плодоносить. Когда же корни обнажены, при пересадке следует тщательно охранять их от вредного действия солнца и ветра, окутывая корни сырым мхом, а сверху — рогожей или мешковиной. В обоих случаях рекомендуется предварительно подготовить корневую систему и надземную часть растения.

Для предварительной подготовки корней при пересадке дерева с комом земли достаточно 4—5 месяцев, при пересадке с обнаженными корнями на подготовку нужно от 1 до 2 лет.

Вокруг дерева, предназначенного к пересадке, на расстоянии не менее 40—50 см от ствола надо выкопать канаву и обрубить горизонтально расположенные корни, нетронутыми оставить только те корни, которые идут в глубину. После подрезки канаву засыпают землей; к земле добавляют примерно по 5—6 ведер перегноя на дерево. При подкормке дерева раны на корнях быстрее заживают, быстрее восстанавливается потерянная часть корневой системы и образуется новая многочисленная сеть мелких корней, сохраняющаяся при пересадке, что благоприятствует приживанию дерева на новом месте.

Если дерево предназначается для весенней или летней пересадки, то подрезку проводят осенью. Для осенней пересадки корни подрезают весной. Допускается подрезка корней и в июне — июле. Чем продолжительнее срок от подрезки до пересадки, тем лучше для дерева.

Пересадку в зимнее и летнее время нужно производить только с комом земли. Весной и осенью можно пересаживать и с обнаженными корнями.

Длина корней при пересадке с комом земли может быть несколько меньшей, чем при пересадке без кома.

Отделять ком земли с корнями дерева лучше не лопатой, как это обычно практиковалось, а тонкой проволокой (сечением 6 миллиметров) при помощи лебедки или тракторной тяги.

Подъем дерева из ямы с комом земли при отсутствии подъемных кранов может осуществляться при помощи трактора и железного листа-волокуши. Этот лист-волокуша помогает производить погрузку, транспортировку и посадку в яму дерева.

Ком земли упаковывается для транспортировки в разборный ящик.

При перевозке на далекое расстояние на дно ящика прибивается железный лист, крона обвязывается толстым шпагатом или веревкой для придания ей более компактной формы. Во внутрь кроны набивается солома, чтобы избежать трения между ветвями.

При посадке весной и летом деревья должны быть тщательно политы водой из открытого водоема (вода из колодца должна предварительно прогреваться на солнце). Для первого полива на новом месте нужно 20—25 ведер под каждое дерево. На следующие поливы требуется по 10—15 ведер под каждое дерево с перерывами между первым и вторым поливом 5—6 дней. В дальнейшем поливать надо примерно через 8—10 дней, в зависимости от влажности почвы. Всего за сезон нужно провести до восьми поливов.

В первый год после пересадки дерева не следует вносить в почву удобрения. Если же на корнях имеются небольшие раны, можно внести под каждое дерево слабые дозы минерального удобрения, примерно по 5 граммов аммиачной селитры, растворенной в 10 литрах воды. Что касается органических удобрений, то желательно яму в момент посадки заполнять землей в смеси с перегноем.

Кандидат сельскохозяйственных наук
П. МАЛАШЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

Вкладки:

На первой странице обложки: колхозники сельхозартели «Коминтерн» на отдыхе (Мичуринский район, Тамбовской области). Цветное фото Евгении Оцуп.

На четвертой странице обложки: доктор биологических наук, директор Плодоовощного института имени Мичурина М. В. Алексеева (справа) и председатель колхоза «Коминтерн», Мичуринского района, Тамбовской области, Е. И. Андреева на участке с поздней капустой. Цветное фото Евгении Оцуп.

Оформление номера Е. Ямпольской.

К этому номеру дается бесплатное приложение — рисунки для вышивки.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: М. О. ЕРЕМЕЕВА (заместитель главного редактора), И. А. КОБЧИКОВА, Л. Е. ПИШЕНИНА, Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН.

Адрес редакции: Москва, Д-47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», 24. №№ телефонов: Д 3-35-35, Д 3-39-48, Д 3-38-03.

А 06231. Подп. к печ. 6/X 1954 г. Формат бум. 60×92¹/₈. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л. Тираж 450 000 экз. Изд. № 869. Заказ 2833.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина

Рисунки В. Жаринова.

ВСХВ

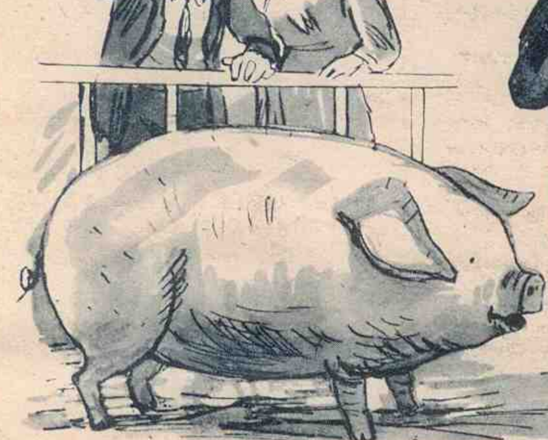
Картинки с выставки

На ферме колхоза «Путь к коммунизму» (Орловская область) от каждой свиноматки получено 7 700 рублей дохода — больше, чем от целой свинофермы в некоторых соседних колхозах.

— Ну, ясно, у нас коровы обыкновенные, а это волшебница.

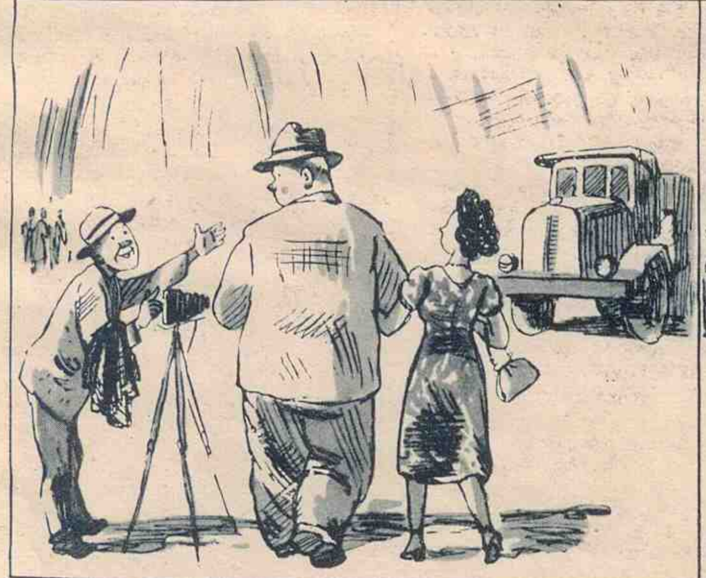
В совхозе «Горки-2» от некоторых кур-несушек получено по 300 яиц в год.

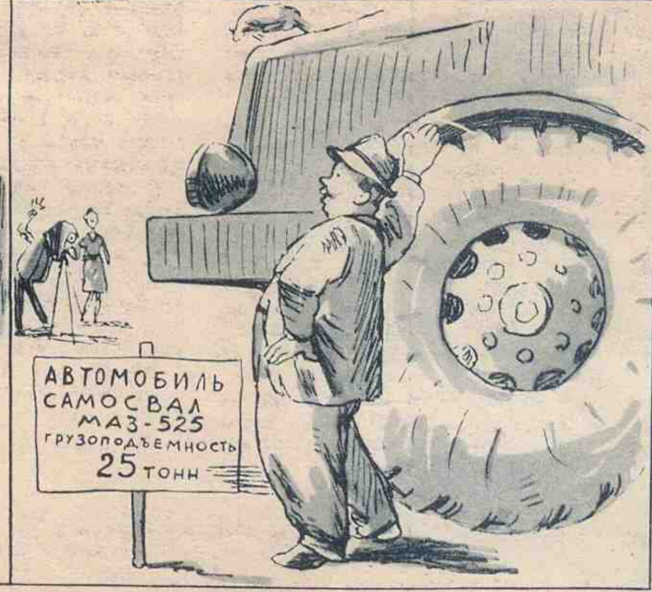
— Вот так свинью подложили нам соседи!

— Яички хоть и простые, да курочка золотая!

— Встаньте, прошу вас, возле того автомобильчика...

...для масштаба.

Цена номера 1 рубль.